

ВЕСТНИК
государственного
университета
«Дубна»

#4 2022

В номере:

История науки

**Социология политики –
социология искусства**

Вопросы психологии

Проба пера

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук – главный редактор

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – заместитель главного редактора

Кравченко А.Л., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук – редактор, ответственный секретарь

Члены Редколлегии:

Anna Stetsenko, PhD, Professor Ph.D. Programs in Psychology, The Graduate Center of The City University of New York

Братусь Б.С., доктор психологических наук, профессор, научный руководитель факультета психологии Российского православного университета кафедры

Венгер А.Л., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Дулина Н.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета

Плебанек О.В., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвАзЭС

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, доцент, руководитель отдела медицинской психологии ФГБНУ "Научного центра психического здоровья"

Истомина О.Б., доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии Государственного университета «Дубна»

Субочева О.Н., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Федотова В.Г., доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии ИФ РАН

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии Государственного университета «Дубна»

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии социальной сферы РГСУ

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

Выпускающие редакторы номера – **Н.Г. Багдасарьян**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна»

А.Л. Кравченко, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета «Дубна».

Содержание

История науки

Глаз Р.А. Эволюция идей устойчивого развития: от В.С. Соловьева до 3
О.Л. Кузнецова

Трофимов Ю.В. История и культура исследования подземных вод: от древних 13
цивилизаций к инновациям современности

Социология политики – социология искусства

Умеренкова К.А. Государственная молодежная политика РФ: особенности 23
реализации и перспективы развития

Никонов А.С. Идентичность Западной Германии: сцепка музыки и политики 33

Внукова М.А., Дмитриева В.Е. Репрезентация музейного пространства в 41
виртуальной среде (зарубежный опыт)

Вопросы психологии

Фролов Е.А. О моделях исследования выученной беспомощности 49

Проба пера

Завидный Я.Ю. Этика и право в контексте судебных практик 61

Голяткина Л.И. Актуальные проблемы системного анализа и управления: 68
этический аспект

УДК 17

Р. А. Глаз

Эволюция идеи устойчивого развития: от В.С. Соловьева до О.Л. Кузнецова

Аннотация:

В статье приводится анализ положений философских концепций представителей отечественной научной и философской мысли. Автор развивает основные положения этических идей устойчивого развития и русской этической школы, подчеркивает концептуальную связь и преемственность между ними.

Ключевые слова: этика наука, устойчивое развитие, ноосфера, всеединство, толстовство.

Об авторе: Глаз Роман Алексеевич, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры геоинформационных систем; эл. почта: roma_glaz@inbox.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, Государственный университет «Дубна», доктор философских наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Проблему включения биотического в сферу компетенции этики поставили и осмыслили целый ряд ученых: О. Леопольд («Этика земли»), П. Шепард («Разрушительная наука»), А. Швейцер, Т. Колуэлл, П. Эрлих, Р. Дюбо. В этой связи следует выделить два основных подхода к пониманию сути экологической этики. Первый исходит из фундаментальных предпосылок традиционной этики – приоритета интересов человека. Этика прежде всего антропологична, и лишь во вторую очередь экологична. Окружающая среда, ее гомеостазис рассматриваются как важнейшее предварительное условие для существования человеческой истории – в наших интересах помогать, а не мешать осуществлению великих жизненных циклов природы: движению воды, энергии и материально-вещественным превращениям.

Главная проблема состоит в том, что современные технологические силы человека уже сопоставимы по мощи с земными природными силами, они постоянно рассогласовывают важнейшие звенья различных круговоротов, не давая им авторегулироваться. Поэтому основные усилия следует направить на рациональные самоограничительные меры с целью поддержания высокого качества жизни и заботы о потомках.

В свою очередь, все это порождает определенные предписания экологической нравственности. Во-первых, это полагание «пределов роста», ограничений на основе взаимного согласия. Ограничивается свобода роста, чтобы стабилизировать экосистему к взаимной выгоде всех. В этот блок встраиваются и меры по самоограничению рождаемости, направленные на изменение культурных стереотипов (например, преодоление традиции ранних браков в Азии, представлении о детях как гарантии обеспеченной жизни в старости).

Во-вторых, «стандарт Кавки-Локка», согласно которому каждое поколение должно оставлять после себя не худшие возможности жизни для будущих поколений. Это предусматривает и введение максимума на потребление невозобновимых ресурсов. В-третьих, это комплекс мер по «консервации экосистем», т.е. сохранении жизнеподдерживающих ресурсов и максимально возможного количества живых видов. В-четвертых, необходимо преодоление механистических, инструменталистских воззрений на природу, формирование представлений о коэволюционном диалоге с ней.

Во многом эти предписания перекликаются с этическими идеями, изложенными русскими учеными и философами. В статье рассмотрены основные идеи и концепции, а также установлена связь между двумя этическими парадигмами: парадигмой устойчивого развития и парадигмой русской этической школы и ее отдельных представителей.

Метафизика всеединства В. С. Соловьева

Философско-этическое обоснование устойчивого развития можно увидеть в метафизике всеединства В. С. Соловьева. Философ обосновывает необходимость нравственного отношения человека к природе. По его мнению, история человечества есть возвышение и расширение сферы нравственности (должных отношений). При этом Соловьев выделяет три главные ступени этого исторического процесса: родовую ступень, характеризующую прошлое, национально-государственную ступень настоящего, а также ступень всеединства как идеал будущего. Высшая задача человека на третьей ступени

состоит в том, чтобы реализовать нравственное отношение к природе, но решение этой задачи предполагает установление совершенного нравственного социального порядка, становление человечества как единого целого. Идеал будущего совпадает с нравственным императивом устойчивого развития [3, с. 391].

В составе человечества, по мнению философа, достойное место принадлежит и прошлым, и будущим поколениям. Непрерывное бытие человечества обусловлено взаимосвязью и взаимодействием всех его поколений. Отрыв человека от подлинной реальности, его отчуждение от природы пагубно прежде всего для него же. Природа существовала и продолжит существовать без человека, но человек не сможет выжить без природы. Природа первичнее человека, который есть ее результат как природное существо и вершина ее творения.

Согласно Соловьеву, возможно троякое отношение человека к природе: подчинение природе в ее изначальном виде, покорение природы и возвышение над ней, но также и совершенствование природы, утверждение ее лучшего состояния. Первые два отношения выступают временными и переходными состояниями, должным следует назвать только третье отношение, в котором человек «возвышает» природу [1, с. 438]. Философ не предлагает определенных планов общественного переустройства, описывая необходимые условия совершенствования общества и его устойчивого будущего. Первое условие – это прекращение эксплуатации природы и попыток возвышения над ней. Природа – не мертвая материя, но одушевленный живой организм. Второе условие – это разумный аскетизм, «воздержание от дурной плотской безмерности». Важным нравственным условием, необходимым устойчивого развития, выступает «ограничение личной свободы требованием общего блага» [3, с. 535].

Согласно Соловьеву, эксплуатация природы не прекратится, пока существует безмерность эгоистических претензий человека, власть его плотских инстинктов, несправедливое распределение ресурсов внутри общества. Решение экологического вопроса заключается во внутренней связи с проблемой воспитания разумных потребностей человека. Мыслитель обращает особое внимание на бесперспективность и ущербность «потребительского» общества, основным принципом которого выступает безмерное размножение материальных потребностей, а цель – такое же безмерное производство вещей, удовлетворяющих этим потребностям. Ограничение потребительских претензий человека тесно связывается с вопросом о спасении жизни на

Земле. Спаситься и увековечить свою жизнь единичный человек может только вместе со всеми. Человечество может спастись, спасая и облагораживая остальной, нечеловеческий мир.

Исключительный интерес для понимания перспектив устойчивого развития представляет концепция «духовного общества». Философ выделяет три основные формы «общественного союза». Первая ступень – общество экономическое, материальное; вторая – общество политическое, или формально–правовое; третья ступень – общество духовное, цельное. Первая есть основа, вторая – средство и только третья есть цель [3, с. 148].

Концепция «духовного общества» не отрицает значения экономики и политики. Человек прежде всего должен есть, трудиться и жить в правовом государстве. Но полное благо человека, по Соловьеву, требует полноты жизни. В духовном обществе реализуется принцип всеединства, все сферы жизни – экономика, политика, культура находятся в органическом единстве и направляются нравственным законом [2, с. 408]. Философ усматривал жизнь только в тех изменениях сущего, за которыми скрывается нечто устойчивое, душа. Следовательно, устойчивое развитие общества предстает как непрерывный духовный рост человечества, как «восхождение от материи к духовности» [2, с. 151]. Само состояние Земли определяется нравственным состоянием населяющих ее духовных существ.

Величайшая заслуга В.С. Соловьева состоит в том, что еще задолго до глобального экологического кризиса он сформулировал основные принципы этики спасения жизни, соответствующие гуманистической концепции устойчивого развития, провозглашающей жизнь высшей ценностью. Основная миссия такой этики заключается в способствовании поддержанию, охране и совершенствованию жизни, эстетическому устройению окружающей среды.

Концепция ноосферы В.И. Вернадского как цель устойчивого развития

Среди всех идей выдающегося русского ученого В. И. Вернадского особое внимание в контексте устойчивого развития следует уделить концепциям ноосферного общества и экологической этики.

Центральной темой учения о ноосфере выступает единство биосферы и человечества. Вернадский раскрывает корни этого единства, значение организованности биосферы в развитии человечества. Это позволяет понять место и роль исторического развития человечества в эволюции биосферы, закономерности ее перехода в ноосферу.

Одной из ключевых идей становится предположение, что человек живет не только по своим законам, он сосуществует внутри природы и остается ее частью. Это единство обусловлено прежде всего функциональной неразрывностью окружающей среды и человека, по этой причине влияние биосферы сказывается не только на среде жизни, но и на образе мысли.

Однако не только природа оказывает влияние на человека, существует и обратная связь. Она не поверхностна, но гораздо глубже: «...мы все больше и ярче видим в действии окружающие нас геологические силы. Это совпало, едва ли случайно, с проникновением в научное сознание убеждения о геологическом значении *Homo sapiens*, с выявлением нового состояния биосферы – ноосферы – и является одной из форм ее выражения. Оно связано, конечно, прежде всего с уточнением естественной научной работы и мысли в пределах биосферы, где живое вещество играет основную роль» [4, с. 26]. В последнее время резко меняется отражение живых существ на окружающей природе. Благодаря этому процесс эволюции переносится в область минералов. Резко меняются почвы, воды и воздух – эволюция видов сама превратилась в геологический процесс, поскольку в процессе эволюции возникает новая геологическая сила: «эволюция видов переходит в эволюцию биосферы» [4, с. 27].

Мы становимся наблюдателями и исполнителями глубокого изменения биосферы. Корни этого лежат в самой природе и были заложены еще миллионы лет назад в ходе естественного процесса эволюции: «Человек ... составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение, по крайней мере, двух миллиардов лет» [4, с. 28]. Из этого можно сделать вывод, что предположения о самоистреблении человечества и крушении цивилизации не имеют под собой веских оснований. Было бы по меньшей мере странно, если бы научная мысль – порождение естественного геологического процесса противоречила бы ему самому.

Мы стоим на пороге революционных изменений в окружающей среде: биосфера посредством переработки научной мыслью переходит в новое эволюционное состояние – ноосферу. Многие из того, о чем писал Вернадский, становится достоянием сегодняшнего дня. Современны и актуальны его мысли о целостности, неделимости цивилизации, о единстве биосферы и человечества. Переломный момент в истории человечества, о чем сегодня все чаще говорят ученые, публицисты и даже политики, был увиден Вернадским.

Рецепция идей Л. Н. Толстого в парадигме устойчивого развития

Особое внимание необходимо обратить на работы Л. Н. Толстого. Мыслителя интересовали этические концепции, утверждавшие сущностное единство человека с природой и ее отдельными элементами. Нравственно-экологическое кредо писатель высказывает в одной из своих записей в 1910 г.: «как во всякой нравственной деятельности, так и в следовании заповеди: не убий, дело не в достижении полного совершенства, а только в том, чтобы как можно больше приближаться к нему: как можно меньше убивать всяких живых существ, очевидно прежде всего людей, потом более близких, потом менее близких человеку существ, вызывающих в нас живое чувство сострадания, а потом и насекомых, и даже растения. Чем дальше уйдет человек по этой лестнице сочувствия к другим существам, тем лучше и другим существам и самому человеку» [5, с. 6].

В российских условиях начала XX в. идеи Толстого о природном труде, основанном на ненасилии, нашли свое практическое выражение. Соединенные с традиционными крестьянскими представлениями о земле, они стали программой действий ряда толстовских крестьянских коммун. Их члены пропагандировали вегетарианство, не эксплуатировали домашних животных в процессе трудовой деятельности, отказывались от одежды из меха и кожи. Наиболее убежденные перетирали землю руками, полагая, что железо оскорбляет землю.

В России конца XIX–нач. XX столетия широко издавалась литература, посвященная нравственным аспектам отношения к животным. Среди многих подобных изданий следует выделить книги толстовца В. Г. Черткова «Злая забава. Мысли об охоте» (1890), а также «Жизнь одна (об убийстве живых существ)» (1912). Не меньшего внимания достойны художественные, публицистические и научно-публицистические очерки А. К. Ельского «Насколько развитие чувства сострадания к животным обеспечивает нравственность человечества, его умственные и социальные интересы» (1879), Я. А. Канторовича «Человек и животное. Этико-юридический очерк» (1898), В. В. Григоровича «Горькая доля» (1898), М. И. Лисовского «Немые страдальцы» (1903), П. В. Безобразова «Права животных» (1903) и т.д. Толстой же во многом опередил свое время и действительное значение его идей нашло отражение только спустя десятилетия. Изучая работы китайской и индийской философии о единстве человека и природы, а

также работы Р. Эмерсона и Г. Торо, он предложил собственное видение этих идей в контексте русского общества.

Позднесоветские взгляды на экологическую этику

В 1980-е гг. начинается этап становления отечественной экологической этики. Всего за десятилетие она проходит стадии, которые, как замечают В.И. Бакштановский и Ю. В. Согомонов, характерны для всякой инновации: «Первая – что за чушь?!, вторая – что-то в этом есть, третья – кто же этого не знает?» [6, с. 8]. Те идеи, которые поначалу казались непривычными и экзотическими, уже в 1990-х гг. воспринимались как сами собой разумеющиеся. Во многом высокие темпы освоения этико-экологического знания были связаны с осознанием чрезвычайной серьезности экологических проблем (особенно остро ощущавшейся после аварии на Чернобыльской атомной электростанции в 1986 г.), а также кризисным состоянием позднесоветского общества, находившегося в активном поиске новых моральных и социальных ценностей.

В книге Р. И. Александровой и А. В. Смольянова «Экология и мораль» (1984) систематизированы взгляды зарубежных экофилософов на нравственные проблемы взаимоотношения человека и природы. Авторы утверждают, что решение экологических проблем недостижимо сугубо техническими средствами: лишь формирование особого, активного нравственно-экологического мышления может способствовать успеху на этом пути. «То, чем станет природа для человека, каким будет отношение к ней, во многом зависит от общей нравственной позиции личности. Поэтому нравственно-экологическое воспитание предполагает формирование активного морального самосознания, активной жизненной позиции, занимаемой личностью по отношению к природе» [7, с. 4].

Новейшая этическая парадигма устойчивого развития

Начиная с 1990-х гг. двадцатого столетия развивается принципиально другой подход к устойчивому развитию, у истоков которого встают российские ученые О. Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов и Б. Е. Большаков. Их исследования развивают идеи В. И. Вернадского и представителей школы русского космизма, критикуют существующий подход к реализации концепции устойчивого развития, разработанный зарубежными учеными.

В основе их исследований лежит идея о том, что природа, общество и человек образуют единую систему, которая функционирует и изменяется вместе со своими взаимодействующими подсистемами. Соответственно, для достижения устойчивого

развития принимаемые решения должны быть согласованы не только с одной из подсистем, но и со всей системой в целом. Для этого ученые сформулировали цель научного познания мира – поиск научных универсалий, получивший название «Закон Природы», позволяющий привести к единому виду все научные исследования в самых разных областях.

Проблемы исторических и социальных процессов ученые связывают с тем, что человечество принимало несогласованные с единым законом решения: «...причиной стагнации, деградации и гибели социальных систем является нарушение закономерностей хроноцелостного исторического процесса, которые и определяют сохранение, или, другими словами, устойчивость, развития общества как целого» [8, с. 48]. Говоря об обществе, ученые ставят вопрос – «чем нормальная жизнедеятельность общества отличается от ненормальной?» В качестве ответа выдвигается позиция, согласно которой нормальная жизнедеятельность отличается от ненормальной также, как сбалансированное взаимодействие общества и природы отличается от несбалансированного [9, с. 19]. Соответственно, ответы на социальные вопросы рассматриваются в зависимости с экологией.

Согласно философской парадигме их исследований, абсолютное зло для человечества – это энтропия, и цель науки устойчивого развития заключается в ее минимизации: «каждый человек должен связать свою жизнь с борьбой против роста энтропии, против последствий второго начала термодинамики» [8, с. 22]. Это полярно другой подход во взгляде на проблемы устойчивого развития – так, среди ученых в европейских странах и США гораздо большее распространение имеет теория «золотого миллиарда», предложенная Д. Медоузом. Важно отметить, что ответственность за минимизацию энтропии возлагается прежде всего на человека.

Другим злом, которое необходимо преодолеть человечеству для достижения устойчивого развития, становится обособленность наук друг от друга: «проблема заключается в том, что «море» разных профессиональных языков крайне затрудняют восприятие и понимание единства системы в целом, что естественно крайне негативно отражается прежде всего на знаниях» [9, с. 20].

Несмотря на определение всех проблем и трудность их преодоления (которое подразумевает полный пересмотр научного знания и парадигмы каждой науки), ученые

занимают позитивную позицию относительно развития человечества, общества и природы: «существует возможность не только адекватно объяснять окружающий нас социально-природный мир, но и целенаправленно его изменять, проектировать его развитие, не нарушая фундаментальных законов природы, а, наоборот, активно их используя» [9, с. 20].

Русская социально-философская мысль во многом предвосхитила современное отношение к природе, обществу и человеку. Ее основатели и последователи писали о необходимости бережного отношения к природе, жизни в гармонии с ней, космополитизме, биоцентризме и эгоцентризме. Принятие концепции устойчивого развития многими странами означает и принятие этих концепций.

Библиографический список:

1. Большаков Б. Е. Наука устойчивого развития. Книга 1. Введение. М.: РАЕН, 2011. 272 с.
2. Соловьев В. С. Сочинения в 2 томах. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 889 с.
3. Соловьев В. С. Сочинения в 2 томах. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 828 с.
4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Толстой Л. Н. Не убий // Вегетарианская библиотека. В защиту жизни. М.: Посредник, 1913. С. 5-6.
6. Бакштановский В. И. Экологическая этика / В. И. Бакштановский, Ю. Л. Согомонов // Ведомости. 2001. № 18. С. 186-192.
7. Александрова Р. И. Экология и мораль / Р. И. Александрова, А. В. Смольянов. М.: Знание, 1984. 64 с.
8. Кузнецов О. Л. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие : методическое пособие / О.Л. Кузнецов, П.Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. Дубна: РАЕН, 2000. 272 с.
9. Кузнецов О. Л. Устойчивое развитие: Научные основы проектирования в системе природа-общество-человек: учебно-методическое пособие / О.Л. Кузнецов, П. Г. Кузнецов, Б.Е. Большаков. Дубна: РАЕН, 2001. 604 с.

Glaz R. A. Evolution of the idea of sustainable development: from V.S. Solovyov to O.L. Kuznetsov

The article provides an analysis of the provisions of philosophical concepts of representatives of Russian scientific and philosophical thought. The author develops the main provisions of the ethical ideas of sustainable development and the Russian ethical school, emphasizes the conceptual connection and continuity between them.

Keywords: ethics of science, sustainable development, noosphere, togetherness (V. S. Solovyev), tolstoyism.

УДК 008

Ю.В. Трофимов

История и культура исследования подземных вод: от древних цивилизаций к инновациям современности

Аннотация:

В статье представлен исторический обзор исследований подземных вод с древнейших времен до наших дней. Обсуждаются факторы, повлиявшие на исследования в области подземных вод, определяются ключевые вопросы управления подземными водами и перспективы будущих исследований. Автор описывает влияние изменения климата на ресурсы подземных вод и подчеркивает необходимость комплексного планирования управления подземными водами, включая меры по сокращению потерь воды и сохранению ресурсов.

Ключевые слова: история гидрогеоэкологии, подземные воды, грунтовые воды, экосистемы, загрязнение подземных вод, устойчивое потребление, мониторинг подземных вод, управление водными ресурсами.

Об авторе: Трофимов Юрий Владиславович, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры экологии и наук о Земле; эл. почта: ura_trofim@bk.ru

Научный руководитель: Галицкая Ирина Васильевна, ФГБУН Институт геоэкологии им. Е. М. Сергеева РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор, эл. почта: galgeoenv@mail.ru

Подземные воды – один из наиболее важных природных ресурсов, обеспечивающий питьевой водой миллионы людей во всем мире и поддерживающий многочисленные экосистемы. Этот ресурс играет решающую роль в существовании и поддержании сельского хозяйства, промышленности и производства энергии. Несмотря на свою важность, грунтовые воды часто труднодоступны для исследований, поэтому их научное изучение началось относительно недавно.

В статье представлен исторический обзор исследований подземных вод, от их самого раннего начала до наших дней. Цель исторической перспективы, рассмотренной далее – сформировать представление об изучении подземных вод от древности до наших дней, о научных, социальных и технологических факторах, повлиявших на исследования, а также о ключевых проблемах управления подземными водами и перспективах исследований будущего.

Наиболее ранние письменные упоминания об использовании подземных вод приходятся на древние цивилизации: египетскую, греческую, римскую и китайскую, а также цивилизации долины Инда в Индии. Древние египтяне строили колодцы для добычи питьевой воды и орошения земель. Они же разработали систему подземных туннелей для доступа к подземным водам. Цивилизация долины Инда использовали строительство колодцев и ирригационных систем для хранения и управления водными подземными ресурсами.

В Древней Греции большой вклад в изучение грунтовых вод внес Аристотель. Множество работ было посвящено взаимосвязи подземных вод с поверхностными водами, природе их происхождения, и связи качества подземных с расположением источника. Аристотель описывает гидрологический цикл и движение воды по земной поверхности и недрам. Философ предположил, что доступ к грунтовым водам может осуществляться через колодцы и источники, поэтому посоветовал Александру Македонскому строительство туннеля через гору для отвода воды для орошения земель. Цивилизация Древнего Китая внесла вклад в изучение подземных вод изобретениями в сфере гидротехники, в создании колодцев, каналов, систем хранения воды, методов бурения скважин с помощью бамбуковых труб и ударном бурении [6].

Во времена Римской империи строились акведуки для транспортировки воды из источников и колодцев в города и поселки. Римляне разработали методы бурения скважин с использованием буровых установок: железных и с водяным приводом. Римский философ Плиний Старший обсуждал использование колодцев и акведуков для добычи и транспортировки подземных вод для орошения и питьевых целей, описывал использование подземных каналов («канатов») для доступа к источникам подземных вод в засушливых регионах [6]. Он отмечал важность понимания геологических особенностей района для выявления потенциальных источников подземных вод и описывал методы бурения скважин с использованием ручных шнеков и ударных инструментов. Все это

предвосхитило современное понимание водного цикла, а его описание методов бурения скважин по-прежнему актуально [8].

На протяжении эпохи средневековья подземные воды использовались для орошения, промышленных процессов и в качестве источника питьевой воды. Интерес к изучению природных явлений, в том числе подземных вод, возобновился во времена эпохи Возрождения. Фокус исследований подземных вод в это время сосредоточивается вокруг их практического применения и добычи: бурения скважин и разработки ирригационных систем, благодаря чему гидрогеология оформляется в самостоятельную научную область [8].

Немецкого ученого Г. Агриколу называют отцом современной минералогии. Научный интерес исследователя лежал в области горнодобывающей промышленности. Агрикола описывал методы и технологии работы в горном деле и металлургии, зависимость успеха добычи полезных ископаемых в шахтах от гидрогеологии района, а также методы управления подземными водами с использованием насосов и дренажных систем [3, с. 43-46]. Французский математик Б. Паскаль работами по гидродинамике и изучению флюидов в движении заложил основу современного понимания потока подземных вод. Паскалем был изобретен гидравлический пресс, позволяющий сжимать воду, и открыт гидростатический парадокс: давление, оказываемое жидкостью, зависит только от глубины, а не от формы контейнера. Нельзя не упомянуть и закона Паскаля, используемый при проектировании гидравлических систем [8].

Большой вклад в гидрогеологию внес Леонардо Да Винчи. Он изучал влияние водного потока на природную среду, эрозию горных пород и образование каньонов и долин, особенности разрушения горных пород водными потоками, их истощения и формировал модели потока. Результатом стало проектирование машин для добычи и распределения подземных вод, изобретение метода бурения скважин с помощью нескольких версий водяного винта, в том числе портативного – для орошения полей. Бур достигал глубин, которые раньше достичь было невозможно. Научные достижения Да Винчи были оценены только в XIX в., а его открытия стали основополагающими для современных методов бурения [3, с. 46].

Э. Мариотт и Э. Галлей исследовали проникновение воды в землю. Мариотт известен работой о взаимосвязи между давлением и объемом в газах – законом Мариотта. Он описал, что источники – результат накопления и давления воды в подземных полостях,

которые затем находят путь к поверхности, описывал специфику прохождения подземных вод через разные виды почв и пород, влияние поверхностных особенностей, а также способность подземных вод перемещаться как горизонтально, так и вертикально. Разработка измерительного прибора «водный баланс» стала одним из первых случаев применения системы мониторинга подземных вод. Впервые выносятся тезис о конечности подземных вод как ресурса и загрязнения из-за человеческого фактора [1, с. 28-39]. Работы Галлея помогли улучшить понимание поведения подземных вод и наметили путь для дальнейших исследований и технологических достижений в области гидрологии [6].

В XVIII в. отдельные области гидрогеологии начинают становление как научные направления. Ключевыми фигурами этого периода стали А. Дарси и Л. Эйлер. Французским инженером Дарси разработана концепция гидравлической проводимости, описывающая способности почвы или породы передавать воду. Швейцарским математиком Эйлером разработана математическая модель стока подземных вод, основанная на принципах механики жидкости. Модели Эйлера применялись в области машиностроения и сельского хозяйства, однако и сегодня широко используются в области гидрогеологии [1].

К началу XX в. исследования подземных вод обретают междисциплинарный характер и охватывают гидрологию, геологию, науку об окружающей среде и инженерию. Работы У. Смита, Г. Дарси, Ч. Лайелла стали основой современного понимания структуры Земли и поведения воды под землей. Во второй половине XIX в. использование технологии бурения начало трансформировать область гидрогеологии. Первые глубокие скважины были пробурены в Европе и США, что позволило проводить исследования на гораздо больших глубинах, чем ранее. Это привело к новым открытиям о поведении подземных вод в различных геологических условиях и разработке новых методов управления ресурсами подземных вод [4, с. 56-59].

Пионером современных исследований подземных вод стал американский гидролог К. Тайс, разработавший первую количественную модель стока подземных вод в водоносных горизонтах. Эти работы впоследствии стали фундаментом разработки компьютерных моделей для моделирования потока подземных вод. Французский инженер Ш. Дюпуи расширил работу Дарси и разработал уравнения для расчета гидравлической проводимости водоносных горизонтов [6]. Дюпуи создал математическую модель стока подземных вод, учитывающую влияние пористости и проницаемости на движение воды

через почву и горные породы. Ученый заложил теоретическую основу анализа потока подземных вод в замкнутых водоносных горизонтах и предложил метод оценки параметров водоносного горизонта на основе испытаний на перекачку [6].

У. Смит, «отец английской геологии», впервые создал геологическую карту Англии и Уэльса. Вклад Смита стал основой для современного геологического картографирования, расширивший область знаний стратиграфии и использования окаменелостей в современных слоях горных пород. Ч. Лайель стал основоположником современной геологии. Он одним из первых указал на то, что давление в артезианских скважинах обусловлено удержанием воды в слоях непроницаемой породы [11]. Немецкий геолог Г. фон Ноймайер создал метод измерения уровня грунтовых вод с помощью перевернутой стеклянной трубки, разработал теорию стока подземных вод на принципах гидравлики. Ученый применил ее к проблеме осушения болот и предотвращения наводнений, проводил исследования стратиграфии и минералогии Баварских Альп.

Французский химик Л. Пастер раскрыл понимание микробных процессов, происходящих в подземных водах, доказав решающую роль микроорганизмов в разложении органического вещества в воде и вредоносное влияние некоторых бактерий для здоровья человека. Исследователь продолжил изучение процессов очистки природных источников воды с помощью фильтров, устраняющих вредные бактерии [10; 17]. Пастер создал метод очистки воды с использованием квасцов, чем помог снизить заболеваемость болезнями, передающимися через воду.

На западе США геолог Дж. Пауэлл развивал научный интерес к управлению подземными водами для устойчивого использования. В работе «Доклад о землях засушливого региона Соединенных Штатов» он описывает водные ресурсы и ирригационный потенциал засушливых земель на западе Соединенных Штатов, дав толчок к пропаганде создания национальных парков и охраняемых районов для сохранения водных ресурсов и обеспечения их устойчивого использования [17].

Значительный прогресс в XX в. был достигнут в исследовании и понимании подземных вод. В развитие науки о подземных водах вносили свой вклад гидрологи, геологи, химики и инженеры. Прорывом в это время становится развитие геофизики. Геофизические методы, такие как визуализация электрического сопротивления и сейсмическое отражение, позволили составить карту подповерхностной геологии и идентифицировать подземные водоносные горизонты. Развитие технологий

дистанционного зондирования, таких как спутниковые снимки, позволило обнаруживать и контролировать ресурсы поверхностных и подземных вод [5, с. 97-101].

В начале 1900-х гг. вводится понятие гидравлической проводимости, описывающее способность материала передавать воду. Благодаря ей, наряду с разработкой математических моделей и компьютерного моделирования, стало возможно прогнозирование и управление стоком подземных вод. Развитие передовых технологий очистки воды, таких как обратный осмос и процессы окисления, позволяют обрабатывать загрязненные подземные воды для повторного использования, а для управления и восстановления водных ресурсов были разработаны такие методы, как моделирование подземных вод, искусственное подпитывание и технологии восстановления [15].

Растущая обеспокоенность истощением и загрязнением подземных вод промышленностью, добычей полезных ископаемых, пестицидами и удобрениями сельского хозяйства влечет за собой появление экологических норм и политики во многих странах. Принимается закон о безопасной питьевой воде, который установил стандарты качества питьевой воды, включая грунтовые воды [7]. Была признана критическая важность экосистем подземных вод. По мере того, как человечество вступало в XXI в., все больше внимания уделялось вопросам необходимости дальнейших исследований и стратегии управления для обеспечения устойчивого использования и защиты ресурсов подземных вод для будущих поколений [17].

Так, гидрологом В. Кшижем была разработана концепция пополнения подземных вод в рамках исследований карстовых регионов южной Польши и окружающих стран. Кшиж сыграл ключевую роль в разработке политики управления подземными водами в Польше и призвал к обеспечению их долгосрочной защиты [8]. На западе Соединенных Штатов подземные воды исследовались гидрологом О. Майнзером. Разработка метода численного моделирования движения подземных вод через пористые среды произвела революцию в изучении подземных вод. Майнзер разработал математическую модель для прогнозирования миграции загрязняющих веществ в подземных водах. Это позволило создавать эффективные стратегии восстановления ресурсов [6].

Современные исследования подземных вод охватывает широкий спектр дисциплин: гидрологию, геологию, науку об окружающей среде, химию, инженерию. Междисциплинарная специфика исследований привела к новому пониманию поведения

систем подземных вод и появлению новых методов их управлением и сохранением [11]. Наиболее интенсивное развитие в этом контексте получили следующие направления:

1) разработка численных моделей, имитирующих поведение систем подземных вод на основе математических уравнений для описания потока воды через пористые материалы, такие как песок, гравий и камень. С помощью компьютеров ученые моделируют сценарии и прогнозируют поведение систем подземных вод в различных условиях [17];

2) разработка новых методов измерения подземных вод и мониторинга их поведения. Дистанционное зондирование, геофизическая визуализация и сенсорные сети позволили получить подробную информацию о системах подземных вод без необходимости проведения обширных полевых работ [9, с. 486-490];

3) разработка стратегий устойчивого управления для защиты и сохранения ресурсов подземных вод. Это направление только продолжает усиливаться по мере осознания человечеством последствий антропогенного воздействия на ресурсы подземных вод [14];

4) технологии для устойчивого управления ресурсами подземных вод, обеспечения их доступности для будущих поколений [7].

Значительным достижением стало использование методов дистанционного зондирования. С помощью спутниковых снимков, аэрофотосъемки и данных LiDAR (Light Detection and Ranging) идентифицируются районы с истощением или загрязнением подземных вод, а уровень и качество контролируется с помощью спутниковой радиолокационной альтиметрии и гравитационных измерений. Эти данные позволяют оперативно отслеживать изменения в подповерхностном хранилище воды [9].

С помощью геофизических методов высокого разрешения: томографии с электрическим сопротивлением (ERT) и георадаров (GPR) проводится неинвазивная визуализация недр и сбор информации о распределении подземных вод и загрязняющих веществ [11, с. 11-17]. ERT используется для картирования электропроводности недр, часто отражающей изменения влажности почвы и содержание грунтовых вод. Георадар с помощью радиолокационных волн получает изображения недр и создает изображения почвы и горных пород в высоком разрешении.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) в мониторинге и моделировании подземных вод помогают определить потенциальные

источники загрязнения, предсказать уровень и качество подземных вод и оптимизировать стратегии управления подземными водами [9]. Методы и инструменты, появившиеся в XXI в., помогают в предоставлении информации лицам, управляющим водными ресурсами, обеспечивая более эффективное управление и защиту.

Одной из наиболее острых проблем сегодня становится нехватка питьевой воды. Решения ученых в этой связи сконцентрированы на инновационном подходе искусственного пополнения и хранения подземных вод. Искусственное подпитывание – намеренное добавление воды в водоносный горизонт для увеличения количества подземных вод и предотвращения истощения естественных источников. Наполнение, как правило, осуществляется через инфильтрационные бассейны, нагнетательные скважины или водоемы. Кроме того, возможна закачка воды в подпиточный бассейн или скважину, а также в естественные хранилища: подземные пещеры, истощенные нефтяные и газовые резервуары. Для подпитки в некоторых случаях используются очищенные сточные или ливневые воды [13; 12]. Такой подход успешно реализовали водные агентства Калифорнии, создавшие подземные водные хранилища на период засухи [16]. Банк водных подземных ресурсов предназначен для высвобождения во время нехватки или природных катаклизмов, например, засух.

Растущий спрос на водные ресурсы с изменением климата оказал огромную нагрузку на ресурсы подземных вод, ускорил их изучение и разработку подходов к управлению. Скорость пополнения подземных вод снижается во многих регионах из-за уменьшения количества осадков и повышения температуры, что снижает доступность водных подземных ресурсов [1]. Изменение климата влияет на качество ресурсов, меняя химические и физические характеристики подземных вод. Наконец, следует отметить необходимость комплексного планирования управления подземными водами [2, с. 110-111]. Планирование должно учитывать конкурирующие потребности в водных ресурсах сельскохозяйственных, промышленных и бытовых пользователей, а также экологические потребности экосистем, зависящих от грунтовых вод [2, с. 112]. Необходимым элементом эффективного плана управления подземными водами должны стать меры по сокращению потерь воды и сохранению водных ресурсов.

Библиографический список:

1. Жарков А. А. Гидрогеология: история и перспективы развития. М.: Геос, 2018. 320 с.
2. Захаров А. С. Гидрогеология: проблемы и перспективы. Luxembourg: Springer, 2017. 280 p.
3. Кораблин А. В. История гидрогеологии в России и мире. М.: Научный мир, 2014. 404 с.
4. Подвальная Н. В. Гидрогеология и инженерная геология: история, теория и практика. М.: Издательский дом «Лань», 2017. 357 с.
5. Подвальная Н. В. Гидрогеология: история развития и современное состояние науки. М.: Издательский дом «Лань», 2015. 375 с.
6. Alley W. Historical development of groundwater hydrology // Groundwater. 2011. Vol. 49, No. 2. Pp. 165-177.
7. Alley W. Sustainability of groundwater resources / W. Alley, T. Reilly, O Franke // US Geological Survey Circular. 1999. Vol. 1186. Pp. 79-81.
8. Clark I. Groundwater: The past and future of a critical resource // Hydrogeology Journal. 2013. Vol. 21, No. 1. Pp. 229-238.
9. Fetter C. W. Applied hydrogeology. Pearson: Pearson College Div, 2000. 598 p.
10. Freeze R. Groundwater / R. Freeze, J. Cherry. New Jersey: Prentice-Hall. 1979. 624 p.
11. Jmal I. Assessment of groundwater vulnerability using a specific vulnerability method: Case of Maritime Djefara shallow aquifer [Electronic resource] / I. Jmal, B. Ayed, S. Sahal et al. // Arabian Journal of Geoscience. 2017. Vol. 10. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12517-017-3035-8> (accessed date: 11.03.2023).
12. Leake S. Groundwater: A global resource. New Jersey: Wiley, 2012. 520 p.
13. Scanlon B. Groundwater depletion and sustainability of irrigation in the US High Plains and Central Valley // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. Vol. 109, No. 24. Pp. 9320-9325.
14. Taylor R. Ground water and climate change // Nature Climate Change. 2013. Vol. 3, No. 4. Pp. 322-329.

15. Todd D. Groundwater hydrology. Chichester: John Wiley & Sons, 2005. 450 p.
16. Vengosh A. Groundwater quality and quantity challenges in the United States // Current Opinion in Environmental Science & Health. 2018. Vol. 2. Pp. 16-23.
17. Winter T. Ground Water and Surface Water: A Single Resource. Denver, Colo.: U.S. Geological Survey, 1998. 79 p.

Trofimov Yu. V. **History and culture of groundwater research: from ancient civilizations to modern innovations**

This article provides a historical overview of groundwater research from ancient times to the present day. It discusses key issues in groundwater management and future research perspectives. The article emphasizes the impact of climate change on groundwater resources, and the need for integrated planning and measures to conserve water resources.

Keywords: history of hydrogeoecology, groundwater, groundwater, ecosystems, groundwater pollution, sustainable consumption, groundwater monitoring, water resources management.

УДК 316.346.32-053.6

К.А. Умеренкова

**Государственная молодежная политика РФ: особенности реализации и
перспективы развития**

Аннотация:

В статье анализируется государственная молодежная политика Российской Федерации, ее программы и мероприятия, проблемы и вызовы. Выявляются особенности реализации молодежной политики и ее влияния на социально-экономическое развитие страны, формулируются рекомендации по ее улучшению.

Ключевые слова: молодежь, политика, государственное управление, особенности государственной политики, программа поддержки молодежи, реализация молодежной политики, перспективы развития.

Об авторе: Умеренкова Ксения Александровна, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, студент факультета социальных и гуманитарных науки; эл. почта: umerenkova@bmstu.ru

Научный руководитель: Чернышева Анна Владимировна, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и культурологии; эл. почта: chernysheva@bmstu.ru

Современное общество не может быть успешным без активной и эффективной молодежной политики, которая обеспечивает возможности развития и самореализации молодежи, внедрения инновационных и креативных идей во все сферы жизни общества. Начиная с 2000-х гг. государственная молодежная политика в России претерпевает значительные изменения, связанные с новыми вызовами и задачами, которые стоят перед молодыми людьми в современном мире. Целью работы выступает поиск ключевых направлений и инструментов реализации государственной молодежной политики, оценка

перспектив их развития в контексте современных вызовов и задач, которые стоят перед молодежью в России.

Для начала приведем краткий обзор существующих исследований заявленной проблемы. Е. В. Андриюшкина анализирует различные аспекты государственной молодежной политики Российской Федерации, включая ее этапы развития, основные направления и показатели результативности. В ходе исследования автор приходит к выводу, что эффективность государственной молодежной политики должна учитывать разнообразные потребности и интересы молодежи, а также сочетать различные подходы и механизмы взаимодействия между государством и молодежью [5].

Р. А. Левочкин исследует оптимальные механизмы реализации государственной молодежной политики на региональном уровне в РФ. Автор выявляет препятствия, мешающие эффективной реализации государственной молодежной политики, предлагает меры для повышения ее эффективности, такие как укрепление межведомственного взаимодействия, привлечение общественности и усиление роли молодежных организаций [6].

О. Н. Любиной охарактеризованы основные программы по реализации государственной молодежной политики в России; проанализированы основные направления и принципы молодежной политики на федеральном и региональном уровнях, ее отражение в законодательных и нормативных актах. Автор приходит к выводу, согласно которому государственные программы выступают конкретными средствами реализации молодежной политики, вместе с тем наблюдается разрыв связи между государственными программами и интересами молодежи, что приводит к недостаточному соответствию государственных программ потребностям и задачам молодежной политики [7].

Материалы Всероссийской научно-практической конференции института социологии ФНИСЦ РАН представляют собой ценный источник информации по вопросам государственной молодежной политики России, особенно в контексте реализации национальных проектов 2019-2024 гг. [8]. Указанные материалы используются нами для анализа текущих тенденций и перспектив развития государственной молодежной политики в России.

Государственная молодежная политика (ГМП) – это комплекс государственных мер, направленных на социально-экономическое, культурное развитие молодежи, ее

защиту и укрепление гражданской и национальной идентичности. Она охватывает все сферы жизни молодых людей, включая образование, занятость, здоровье, культуру, спорт, науку, досуг и другие аспекты. ГМП становится важным инструментом обеспечения социальной стабильности и развития страны [1, с. 3]. Сегодня молодежная политика приобретает все большую значимость в связи с изменением социально-экономической и политической ситуации в стране и мире, поэтому возникает необходимость изучения особенностей ее реализации и определения перспектив ее развития.

ГМП РФ базируется на Конституции РФ, Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» и ряде других законов и нормативных актов. Основная цель ГМП – это обеспечение благоприятных условий для полноценного развития молодежи в России [1, с. 4]. Основные принципы ГМП в России:

- Уважение прав молодежи и ее гражданских свобод. Этот принцип поддерживается законодательством, защищающим права молодежи на свободу слова, собраний, ассоциаций и выражения своих мнений. Создаются и поддерживаются механизмы для обращения молодежи по вопросам нарушения ее прав, такие как Центры защиты прав молодежи. Несмотря на это, молодежь недостаточно осведомлена о возможности подачи обращений, обладает низким доверием к государственным органам, которые реализуют этот принцип. Возможным решением описанных проблем может стать создание молодежных советов и комиссий, активно включающих молодежь в процессы, связанные с их интересами и потребностями, а также проведение информационной кампании в рамках форумов, проектных офисов, молодежных центров с целью повышения осведомленности молодежи.

- Содействие интеграции молодежи в общество и участие ее в различных видах общественной деятельности. В ходе реализации этого принципа создаются, поддерживаются и проводятся успешные практики, в том числе различные преференции для молодежи: льготная ипотека, выплаты и т.д. (например, проект «Пушкинская карта»). Для улучшения ситуации следует повышать уровень осведомленности молодежи о подобных проектах.

- Обеспечение молодежи равными возможностями для личностного и профессионального развития. Существует ряд проектов различного уровня, направленных на реализацию принципа. Ярким примером выступает молодежный проект «Инновационный прорыв» – это краевой бизнес-акселератор для молодежи, однако

наличие проектов не в полной мере может обеспечить равные возможности. Проблема возникает из-за социально-экономического неравенства, регионального различия, ограничения в доступе к информации и технологиями, которые необходимо решать на уровне не только ГМП, но и социальной, экономической, образовательной.

- Создание условий для социальной мобильности молодых людей. Принцип осуществляется с помощью программ по развитию предпринимательства, финансовой поддержки стартапов и молодых инноваторов (например, «Росмолодежь. Гранты»), где молодежь может получить финансовую поддержку для реализации своего проекта. Несмотря на определенный успешный опыт, программы весьма ограничены по объемам: молодежь встречается с бюрократическими преградами, поэтому необходимо модернизировать программы и увеличить финансирование. Только разрешив социальные, экономические и бюрократические проблемы, можно приблизиться к созданию условий социальной мобильности широкого круга молодежи.

- Формирование у молодежи патриотических чувств и гражданской позиции. Этот принцип реализуется с помощью включения патриотической тематики в учебные программы, поддержки патриотических и гражданских инициатив через СМИ и Интернет. Однако наличие патриотических тематик в учебной программе не гарантирует качественного преподавания материала, в школе подобные инициативы могут встречать отрицательную реакцию. Целесообразность введения подобных программ в высших учебных заведениях вообще под вопросом, поскольку обучающиеся уже находятся на завершающем этапе становления личности. При этом и многие СМИ остаются непопулярными среди молодежи. Для преодоления этих препятствий необходимо обратить внимание на общий социокультурный контекст, на создание условий для экономического развития и социальной стабильности, способствовать качественному улучшению образовательных программ гражданских тематик, расширению молодежной аудитории в государственных СМИ [3, с. 11].

Ряд стратегических документов определяют направления развития молодежной политики в будущем. Один из них – основы ГМП на период до 2025 г., где предусмотрено, в частности: создание условий для повышения уровня занятости молодежи, в том числе путем развития предпринимательства и поддержки молодых специалистов; развитие системы образования и профессиональной подготовки молодежи, включая онлайн-образование; содействие развитию молодежного добровольчества и

гражданской активности, в том числе путем молодежных объединений и организаций; поддержка молодежи в решении жилищных вопросов, в том числе за счет развития системы студенческого и молодежного общежития; развитие спорта и физической культуры среди молодежи [3, с. 5].

В рамках указанных направлений проходят:

- Всероссийский конкурс «Лидеры России» – проект, который помогает молодым людям проявить себя и получить знания и опыт в различных сферах. За три года его участниками стали более 300 тыс. молодых людей. В 2021 г. проект получил государственную поддержку и финансирование на десять лет [10].

- Всероссийский проект «Твой Ход» для студентов, которые хотят самоактуализироваться через участие в реальной деятельности и оказывать влияние на будущее своего вуза, региона или страны. От других аналогичных проектов для студенчества «Твой Ход» отличается сильной практико-ориентированной и развивающей частью: участники конкурса могут представить свои проекты, идеи или творческие работы, которые отражают их профессиональные интересы и амбиции, а конкурсная площадка создает условия для демонстрации учебных достижений и творческого потенциала студентов, победители и призеры конкурса «Твой ход» получают различные формы поддержки [9].

- Открытие центров молодежного инновационного творчества (ЦМИТ), которые создаются на средства бюджетных субсидий. ЦМИТы становятся площадками дополнительного образования в инженерно-технической сфере, встроенными в цепочку «школа-вуз-предприятие», ориентированными на вовлечение детей и молодежи в инновационную и предпринимательскую деятельность.

- Создание федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь», основанного в 2008 г. с целью координации деятельности органов исполнительной власти по реализации ГМП [4]. Агентство занимается организацией мероприятий, таких как семинар-практикум «Без срока давности», Международный фестиваль национальных культур «Молодежный этноград»; проведением исследований, например, «Ценностные ориентации Российской молодежи»; подготовкой предложений по совершенствованию молодежной политики [11].

- Организация спортивных соревнований и мероприятий для молодежи, таких как забеги, велопробеги или спортивные фестивали, направленные на популяризацию активного образа жизни и здоровой физической активности среди молодежи.

- Открытие государственных и региональных Центров защиты прав молодежи.

- Поддержка акселераторов, например, запущенный в 2021 г. Фондом развития интернет-инициатив и Минцифры «Спринт», предназначенный для видеосервисов, игровых стартапов и других IT-компаний, ориентированных на российский рынок [8].

Создание и поддержка молодежных центров и клубов по всей стране, развивающих молодежное добровольчество и гражданскую активность в регионах, предоставляя доступ молодежи к различным образовательным, культурным и спортивным программам, к консультационной поддержке и помощи, к тренингам, семинарам и встречам для молодежи по актуальным темам [2, с. 24].

Наряду с успешными практиками в ходе решения поставленных задач возникают и проблемы. Во-первых, нечасто удается достичь достаточной координации между различными органами власти, поскольку зоны ответственности между ними не всегда четко определены [6, с. 3]. Актуальной проблемой выступает ограниченное вовлечение и низкая активность молодежи в разработке и реализации молодежной политики [5, с. 7]. Финансирование не всегда соответствует объему задач, стоящих перед проектами, что приводит к низкой результативности. Так, в некоторых регионах были созданы ЦМИТ, однако в условиях ограниченности финансирования возникли трудности с закупкой современного оборудования.

Стоит отметить и проблемы в работе массовых организаций, реализующих молодежную политику без конкретных изменений. Работа организаций не соответствует потребностям и ожиданиям молодежи, что приводит к снижению эффективности молодежной политики в целом. Вместе с тем для масштабных организаций характерны отрицание инноваций, страх рисков и отсутствие изменений, что ограничивает потенциал для развития и совершенствования молодежных программ и проектов. Таким образом, решение существующего ряда проблем в реализации молодежной политики в России становится одним из приоритетов для повышения ее эффективности.

Что требует внимания в области молодежной политики? Полагаем, необходимо:

1. **усилить диалог с молодежью:** создать условия для регулярного общения молодежи с представителями государственных и общественных органов власти, чтобы понимать их потребности и интересы;

2. **использовать современные технологии:** задействовать социальные сети и онлайн-платформы, тем самым обеспечивая налаженную коммуникацию с молодежью и повышая доступность информации о молодежной политике;

3. **увеличить финансирование** молодежной политики на федеральном и региональном уровнях, что поможет создать благоприятные условия для развития молодежи, повышения их потенциала и активного участия в общественной жизни;

4. **совершенствовать законодательство** в сфере молодежной политики. Например, молодежное волонтерство, молодежная занятость, молодежное предпринимательство нуждаются в законодательных основах для избежания различных проблем связанных с неопределенностью зон ответственности [7, с. 10];

5. **развивать взаимодействие государственных и негосударственных организаций:** введение норм, регулирующих область деятельности каждого типа организации, введение систематического мониторинга и оценки результатов для обеспечения синергии и достижения наилучших результатов в реализации молодежной политики [6, с. 5];

6. **создать условия для самореализации молодежи:** предоставить бесплатные образовательные курсы и тренинги, создать площадки для обмена опытом, обеспечить информационную осведомленность и возможность для молодежи активно участвовать в принятии решений [8];

7. **привлекать опытных экспертов.**

Следует обозначить и основные особенности реализации ГМП в Российской Федерации. Во-первых, реализация ГМП в РФ осуществляется на различных уровнях, включая федеральный, региональный и муниципальный. Это позволяет учитывать особенности каждого уровня и адаптировать политику под местные условия, однако региональное неравенство не перестает быть проблемой, хоть и позволяет в некоторой степени сократить возникающие на его основе различия [6, с. 4]. Во-вторых, реализация

ГМП в РФ осуществляется, с одной стороны, через взаимодействие с органами государственной власти, молодежными организациями, образовательными и социальными учреждениями, с другой – «рычаги» принятия решений все еще остаются в руках старшего поколения, что не позволяет полностью отвечать на социальные запросы молодежи.

В-третьих, одной из основных проблем реализации ГМП оказывается недостаточное финансирование и ограниченность ресурсов. Финансирование ГМП не попадает под основные статьи расхода, однако есть незначительные увеличения финансирования и дополнительные выделения средств на реализацию направлений ГМП РФ. ГМП в РФ требует постоянного внимания и долгосрочного планирования. Успех программ и мероприятий достигается через постоянную поддержку и развитие, адаптацию к изменяющимся потребностям и вызовам молодежи. Необходимо поддерживать новые организации с инициативами и защищать масштабные от рисков [8].

Наконец, ГМП в РФ предусматривает комплексное решение проблем молодежи, поскольку охватывает различные аспекты жизни молодежи, такие как образование, здоровье, трудоустройство, культура, спорт и иные сферы жизни молодых людей. Вопросы, возникающие в современных реалиях, требуют учитывать социокультурного, политического и экономического контекста. Молодежная политика в России имеет ключевое значение для развития общества и страны в целом. Несмотря на обозначенные проблемы, за последние годы в этой области были достигнуты определенные успехи: увеличилось число молодежных организаций, реализованы различные молодежные программы и проекты, молодежь начинает участвовать в принятии решений на различных уровнях.

Библиографический список:

1. Российская Федерация. Законы. О молодежной политикт в Российской Федерации: Федеральный закон № 489-ФЗ от 30 декабря 2020 года: принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года: одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года. М.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2021 г. № 1. Ст. 28 (Часть I). 7 с.

2. Российская Федерация. Законы. О российском движении детей и молодежи: Федеральный закон № 261-ФЗ от 14 июля 2022 года: принят Государственной Думой 06 июля 2022 года: одобрен Советом Федерации 08 июля 2022 года. М.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2022 г. 39 с.

3. Российская Федерация. Распоряжения Правительства РФ. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года № 2403-р от 29 ноября 2014 года. М.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2014 г. 16 с.

4. Российская Федерация. Постановления Правительства РФ. О Федеральном агентстве по делам молодежи № 409 от 29 мая 2008 года (ред. от 01.01.2023). М.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2008 г. 7 с.

5. Андрюшина Е. В. Государственная молодежная политика в российском обществе: этапы, основные направления, показатели результативности // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 269-281.

6. Левочкин Р. А. К вопросу об оптимальных механизмах реализации государственной молодежной политики в регионах России // Вопросы управления. 2017. №5 (48). С. 38-43.

7. Любина О. Н. Государственная молодежная политика: особенности реализации и отражение в государственных программах Российской Федерации и города Москвы // Управление. 2017. №1 (15). С. 55-61.

8. Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–21 апреля 2020 года). Режим доступа: <https://itdperspectiva.page.link/MolPol2020> (дата обращения: 16.05.2023).

9. Положение о Всероссийском студенческом конкурсе «Твой ход» на 2022 год [Электронный ресурс] // Твой ход. Режим доступа: <https://tvoyhod.online/> (дата обращения: 16.05.2023).

10. Положение о конкурсе управленцев «Лидеры России» 2023-2024 гг. [Электронный ресурс] // Лидеры России. Режим доступа: <https://лидерыроссии.рф/rules23> (дата обращения: 16.05.2023).

11. Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь» [Электронный ресурс] // Росмолодежь. Режим доступа: <https://myrosmol.ru/> (дата обращения: 16.05.2023).

Umerenkova K. A. State Youth Policy of the Russian Federation: implementation features and development prospects

The article contains an analysis of the state youth policy of the Russian Federation, its programs and activities, problems and challenges. The author finds the specifics of the implementation of youth policy and its impact on the socio-economic development of the country, formulates recommendations for its improvement.

Keywords: youth, politics, public administration, features of public policy, youth support program, implementation of youth policy, development prospects.

УДК 316

А.С. Никонов

Идентичность Западной Германии: сцепка музыки и политики

Аннотация:

Академическая (классическая) музыка стала одним из источников смыслов для Западной Германии, которая заново выстраивала свою международную идентичность после Второй мировой войны. Используя идеи конструктивистской школы международных отношений, автор исследует процесс создания корпоративной идентичности ФРГ во внешней культурной политике.

Ключевые слова: идентичность, немецкая академическая музыка, Западная Германия, культурная политика.

Об авторе: Никонов Арсений Семёнович, МГУ им. М.В. Ломоносова, студент факультета мировой политики; эл. почта: narseny2001@gmail.com

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Германия – страна, которая успешно продвигает свою культуру на мировой арене. По окончании Второй мировой войны ФРГ избрала этот тип политических ресурсов для решения внутри- и внешнеполитических задач, конструируя определенную идентичность. Исследование немецкого опыта использования академической (классической) музыки во внешней политике, отличающегося осмысленностью в обращении с собственным прошлым, может быть актуальным и для России, поскольку существует множество неотрефлексированных культурных феноменов, которые также могли бы сыграть роль в создании и укреплении международной идентичности.

Уже в послевоенный период музыка в Западной Германии, и в первую очередь немецкая классическая музыка, играла центральную роль в качестве средства создания,

утверждения, а также осуществления политики идентичности. Ее можно было «объявить per se аполитичной универсалией, она стала важным инструментом «примирения с прошлым» в молодой Федеративной Республике» [15, с. 109]. Хотя такие стратегии изначально исключали популярную музыку, история западногерманской эстрады также может быть понята только на фоне или как часть истории этого «примирения с прошлым» (нем. – *Vergangenheitsbewältigung*) [8]. Это понятие, обобщающее дискурсы вокруг оценки национал-социализма и вытекающих из него последствий, утвердилось как «временный обобщающий термин» [9, с. 13]. Будучи одновременно конкретным и открытым, он являет собой одно из определяющих условий социально-политической и культурной жизни в Германии и по сей день.

Особая роль музыки для немецкого послевоенного общества с ее возможностями предоставления ресурса для саморефлексии или примирения, связанными с политикой прошлого, была неоднократно затронута исследователями [4]. Сразу после окончания Второй мировой войны музыка стала олицетворением феномена культурного взаимопонимания, который необходимо было спасти в его предполагаемой политической и моральной целостности. Во многих отчетах первым концертам после войны приписывается почти мифический эффект, Берлинская филармония стала послами Германии в мире, а позже хоры и оркестры послужили «авангардом для установления дипломатических отношений» между Израилем и Германией [16, с. 200].

Возрождение концертной деятельности в большинстве немецких городов после окончания войны породило бесчисленные признания «веры в утешительную и восхитительную силу вечной музыки, которая осталась для человечества выше войны и лишений, смерти и разрушения», а также разговоры о музыке как о пространстве «возвышения и утешения», которые остались «нетронутыми» [2, с. 11; 11, с. 149]. На основе этих нетронутых благ должно было осуществляться, по словам социолога В. Лепениса, «автохтонное перевоспитание» страны [12, с. 282]. Эта «немецкая культурная фаза» отразилась в обращении к классике повсюду, причем И. Гете, Л. ван Бетховен и, за некоторыми исключениями, И. Бах служили бесспорными точками опоры [3; 13].

Первый президент Федеративной Республики Т. Хойс в речи после своего избрания перед Федеральным собранием отметил в типичной для того времени риторике: «Из этих двух людей [Гете и Бетховен] немецкой земли родились мировые ценности, в

которых мы сами с гордостью находим <...> утешение в сокрушении времени» [14, с. 48]. В этом контексте празднования в Год Гете (1949), Год Баха (1950) и Год Бетховена (1952) стали кульминацией и, в определенном смысле, финальной точкой, поскольку эти события уже находились под сильным влиянием новой общей политической констелляции в Германии, т.е. системного конфликта между Востоком и Западом, и, таким образом, также предвещали конец постулируемой «безграничной» универсальности немецкой культуры. Иными словами, в этой культурной фазе послевоенных лет классическая музыка приобрела «социально-психологическую посредническую» функцию, предоставляя возможность для переосмысления «собственной идентичности» и преодоления опыта Третьего Рейха [3, с. 13].

В этой связи необходимо упомянуть западные оккупационные страны с их программами перевоспитания и позже — переориентации (нем. – Umerziehung, Reorientation), которые были разработаны еще до капитуляции Германии для пресечения любой вновь возникающей идеи немецкого превосходства. Вначале решительные меры были приняты именно в области музыкального творчества, когда в британской оккупационной зоне на некоторое время были запрещены к исполнению произведения не только Вагнера, но и Бетховена, если они были отнесены к «героическому стилю» и рассматривались в качестве «политической музыки» [5, с. 142].

При проведении денацификации западные оккупационные державы, в отличие от Советского Союза, изначально взяли на себя обязательство не останавливаться на деполитизации искусства, которое так и «не удалось выполнить из-за сопротивления в их собственных рядах» [14, с. 75]. Сфера культуры и, прежде всего, музыки, которую немецкая сторона рассматривала как основу идейного послевоенного восстановления (нем. – Wiederaufbau), в конечном счете лишь использовалась оккупационными силами в своих собственных целях.

Западногерманскому послевоенному обществу была необходима «возможность борьбы с прошлым на невербальном уровне через музыкальный опыт» [14, с. 49]. Здесь стали возможны точки соприкосновения с давно устоявшимися дискурсами со времен Ж. Поля и В. Вакенродера об инструментальной музыке как «абсолютной музыке» или «языке о языке», который способен выражать то, на что не способны слова: «Идея абсолютной музыки <...> заключается в убеждении, что инструментальная музыка, именно потому, что она лишена концепции, объекта и цели, выражает сущность музыки в

чистом виде. Решающим является не сам факт ее существования, а то, чем она считается» [7; 6, с. 13].

Абсолютная музыка изначально представляет собой конкретную эстетическую концепцию, романтическое понимание того, что такое музыка. Она – идеал инструментальной музыки, которая следует только своим собственным музыкальным законам и, таким образом, не имеет цели. Европейская музыка, создав идеал абсолютной музыки, признает инструментальную музыку высшим жанром.

Согласно широко распространенному в послевоенный период мнению, «высокая культура» стала одной из первых жертв «изнасилования» культурной политикой Третьего Рейха и местом сопротивления «варварству» гитлеровского режима, который, получив отпор, «не знал ничего другого, как добиваться расположения массовых производителей легкой музыки» [10, с. 108]. На этом фоне неудивительно, что в послевоенное время в Западной Германии многие стремились восстановить разделение сфер искусства и развлечений, присущего XIX в., которое стало размыто в эпоху нацизма. Это также стало частью возвращения к стабильным ценностям и моральной целостности, которая «присуща музыке как искусству, в отличие от сферы развлечений» [14, с. 78]. Иными словами, классическая немецкая музыка, воспринимаемая как высокая культура, стала не только компонентом отрицания нацистского прошлого в послевоенный период, но и компонентом нарратива «внутренней эмиграции», и прежде всего «немецкого сопротивления», поскольку именно она не смогла быть присвоена НСДАП [12, с. 295].

На этом этапе стоит обратиться к идее корпоративной идентичности А. Вендта. Она относится «к внутренним, самоорганизующимся качествам, составляющим индивидуальность актора» [17, с. 224]. Будучи несоциальным видом идентичности, она предшествует взаимодействию с Другим и включает такие отличительные характеристики, как «сознание и память о Я (Self) как об отдельном локусе мышления и деятельности» [17, с. 225]. В этом смысле члены государства имеют совместные нарративы о себе как о корпоративном агенте, и в этой степени корпоративная идентичность принимает коллективную идентичность индивидов как факт.

Формирование корпоративной идентичности государства выступает скорее внутренним, чем внешним процессом, который часто связан с конструированием нации и направлен на укрепление внутренней сплоченности. Исходя из мысли о том, что именно

идентичность составляет основу интереса, исследователь выводит четыре корпоративных интереса, без которых не может функционировать государство. В определенном смысле они представляют те базовые национальные интересы, обеспечивающие выживание актора на международной арене и наделяющие его мотивационной энергией для участия в действиях.

Обе характеристики корпоративной идентичности представляются ключевыми при рассмотрении послевоенной ФРГ и ее внешней культурной политики. Во-первых, поскольку эта идентичность предшествует любому взаимодействию и связана с внутренним конструированием нации, можно утверждать, что Западная Германия после Второй Мировой войны восстанавливала свою корпоративную идентичность с ее базовыми интересами: обеспечением признания своей субъектности другими акторами, повышением качества жизни, обеспечением внутренней и внешней безопасности государства. Во-вторых, опора на устоявшиеся дискурсы о высоком искусстве как источника нетронутых нацизмом абсолютных ценностей и коллективной памяти также говорит о выстраивании корпоративной идентичности, которая непременно происходит сначала внутри государства.

Эту мысль подтверждают рассуждения о трансформации внешней культурной политики ФРГ до 1970-х гг. На том этапе, когда в ней доминировали высокая культура, концептуально пустое наполнение и односторонняя самопрезентация за рубежом, корпоративные интересы ФРГ проходили этап становления, получали внутреннее и международное оформление. После прекращения действия Оккупационного статута, действовавшего с 1949 по 1952 гг., когда «внешняя политика была изъята из компетенции федерального правительства», Западная Германия сосредоточилась на том, чтобы преодолеть международную изоляцию и добиться равноправия в отношениях с другими государствами [1, с. 417]. Однако ориентация исключительно на Запад сильно ограничивала возможности страны на международной арене: «Налицо был разрыв между экономическим потенциалом ФРГ и ее слабым международным влиянием» [1, с. 453].

Лишь с 1970-х гг., с началом «новой восточной политики» Брандта, можно было говорить о достижении новых принципиально важных шагов на пути к обеспечению корпоративных интересов. В 1970 г. по Московскому договору ФРГ отказывалась от притязаний на территорию бывшей Восточной Пруссии, что послужило окончательным признанием послевоенных границ. Это стало основой

для Договора об основах отношений между ФРГ и ГДР 21 декабря 1972 г. В 1973 г. оба государства одновременно были приняты в ООН. ФРГ установила дипломатические отношения со странами ОВД, что сыграло важную роль в признании статуса-кво в Европе и создании основ безопасности на континенте.

Так, 1970-е гг. становятся переходным временем, и внешняя культурная политика меняется в соответствии с ними. Именно в этот период была разработана всеобъемлющая концепция внешних культурных связей и принято расширенное понимание культуры, отходящее от принципов доминирования высокой культуры при самопрезентации за рубежом. «В процессе перехода «консервативные» тенденции уходили на второй план под натиском сил культурного обновления» [1, с. 478]. «Движение 68-го» оказало существенное влияние на культуру ФРГ, обусловило ее политизацию, а также поиск новых форм и средств отображения в искусстве проблем общественной жизни.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на послевоенной стадии ФРГ нуждалась в восстановлении своей корпоративной идентичности и связанных с ней базовых интересов. Одной из опор в этом процессе стала классическая музыка в ее идеалистическом представлении как части «незапятнанной» коллективной памяти. Как внутри страны, так и за ее пределами при реализации внешней культурной политики классическая немецкая музыка стала ресурсом для воссоздания и переосмысления идентичности.

Поскольку корпоративный тип идентичности не является социальным, становится понятно доминирование «односторонности» высокой культуры в представлении страны за рубежом до 1970-х гг., пока ФРГ не обеспечила осуществление своих базовых корпоративных интересов и смогла перейти к социальному типу внешнеполитической идентичности – коллективной. Характерно, что немецкая академическая музыка продолжает занимать важное место во внешней культурной политике после воссоединения Германии и до сегодняшних дней, в основном через Гете-Институт как посредническую организацию, что демонстрирует преемственность основ государственности именно Западной Германии.

Библиографический список:

1. История Германии: учебное пособие в 3 тт. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / А.М. Бетмакаев, Т.А. Бяликова, Ю.В. Галактионов, А.Е. Глушков, Л.В. Моница [и др.]; отв. ред. Ю.В. Галактионов; сост. науч.-справ. аппарата А.А. Мить. М.: КДУ, 2008. 672 с.
2. Bolin N. Stuttgarter Kammerorchester 1945–1995: Biographische Skizzen. Stuttgart: Concerto, 1955. 200 s.
3. Boll M. Nachtprogramm. Intellektuelle Gründungsdebatten in der frühen Bundesrepublik. Münster: Lit Vlg., 2004. S. 22-32.
4. Brunner J. Globalisierung der Wiedergutmachung: Politik, Moral, Moralpolitik / J. Brunner, C. Goschler, N. Frei. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013. 355 s.
5. Clemens G. Britische Kulturpolitik in Deutschland 1945-1949: Literatur, Film, Musik und Theater. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. S. 142–145.
6. Dahlhaus C. Die Idee der absoluten Musik. Kassel: Bärenreiter Verlag, 1978. 151 s.
7. Dahlhaus C. Die Musiktheorie im 18. und 19. Jahrhundert. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1984. 181 s.
8. Pasdzierny M. Musik oder Musike? Kitsch und der Schlager der Nachkriegszeit // Musik und Kitsch. Hildesheim: Ligaturen, 2014. S. 179-194.
9. Fischer T. Lexikon der «Vergangenheitsbewältigung» in Deutschland. Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945 / T. Fischer, M. Lorenz. Bielefeld: Transcript Verlag, 2007. 494 s.
10. Hamel F. Musica-Sonderdruck. Zur Lage. Kassel: Bärenreiter Verlag, 1947.
11. Hoffman P. Hamburger Jahrbuch für Theater und Musik. Hamburg: Toth Verlag, 1949. 144 s.
12. Lepenies W. Kultur und Politik: Deutsche Geschichten. München: Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. 448 s.
13. Meier B. Goethe in Trümmern. Zur Rezeption eines Klassikers in der Nachkriegszeit. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag Wiesbaden, 1989. 319 s.

14. Pasdzierny M. Wiederaufnahme? Rückkehr aus dem Exil und das westdeutsche Musikleben nach 1945 // *Neue Politische Literatur*. 2015. Vol. 3. S. 495-497.
15. Pasdzierny M. Das Nachkriegstrauma abgetanzt? Techno und die deutsche Zeitgeschichte // *Techno Studies. Ästhetik und Geschichte elektronischer Tanzmusik*. Berlin: b_books, 2016. S. 105–119.
16. Schneider R. *Wir sind da!: Die Geschichte der Juden in Deutschland von 1945 bis heute*. Berlin: Ullstein Berlin, 2000. 499 s.
17. Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 450 s.

Nikonov A.S. West German Identity: Music and Politics Bind

Academic (classical) music became one of the sources of meaning for West Germany, which was re-building its international identity after World War II. Using ideas of the constructivist school of international relations, this article examines the process of constructing the corporate identity of West Germany in foreign cultural policy.

Keywords: identity, German academic music, West Germany, cultural policy.

УДК 316

М.А. Внукова, В.Е. Дмитриева

Репрезентация музейного пространства в виртуальной среде (зарубежный опыт)

Аннотация:

Статья посвящена анализу репрезентации музейного пространства в виртуальной среде за рубежом. Авторы рассматривают различные классификации современных цифровых экспонатов и средств массовой информации, используемые в репрезентации зарубежных музейных пространств, а также приводят примеры их использования и сочетания.

Ключевые слова: музейное пространство, репрезентация, экспонаты, музей, виртуальная среда.

Об авторах: Внукова Мария Алексеевна, МГТУ им. Н. Э. Баумана, студент 3 курса кафедры социологии и культурологии; эл. почта: 3443184w@gmail.com

Дмитриева Валерия Евгеньевна, МГТУ им. Н. Э. Баумана, студент 3 курса кафедры социологии и культурологии; эл. почта: leradmitt@yandex.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана; эл. почта: ngbagda@mail.ru

В последнее десятилетие активно развиваются технологии, используемые для создания широких программ интерпретации на объектах культурного наследия с целью представить современной аудитории прошлое в увлекательной форме. В этой связи необходим комплексный анализ репрезентации музейного пространства в виртуальной среде, чтобы понять, какие преимущества и недостатки он в себе несет.

Большую популярность сегодня получают гибридные практики репрезентации музеев. Современное музейное пространство, сочетая традиционные подходы к

организации экспозиции и цифровые инструменты, обогащает возможности воздействия на аудиторию, вплоть до сложных мультисенсорных переживаний. Все реже обсуждаются доступность цифровых технологий в контексте музейного пространства, границы и критерии взаимодействия посетителей с музейными объектами, – вместо этого пространство рассматривается как потенциал технологических вмешательств [7].

Имея в виду, что репрезентация – это представление познаваемого явления с помощью посредников: моделей, технических способов, символов, знаковых (в том числе и языковых, математических, логических) систем, обратим внимание на то, что в этом понятии заключены два аспекта, которые необходимо различать – виртуализация как процесс создания виртуальной версии чего-либо и цифровизация как процесс перехода к новым цифровым технологиям, и их распространение во всех сферах общественной жизни [1].

Цифровые музейные технологии и их использование в репрезентации экспонатов все чаще выступают объектом исследовательского интереса [4].

К примеру, с 2016 г. в Эстонском национальном музее (ENM) действует постоянная выставка «Встречи» [5]. Экспозиция приглашает посетителя приобщиться к эстонской культурной истории и повседневной жизни в этом регионе в обратном хронологическом порядке – от недавнего прошлого до первых человеческих поселений. В выставочном пространстве Национального музея цифровые и аналоговые экспонаты объединены в единое повествование.

Цифровые технологии были представлены как самостоятельные экспонаты лишь на первых этапах создания выставки. Используя контент (знания, истории, коллекции) в качестве основного ориентира, выставочная команда присвоила цифровым экспонатам определенные качества и потребности, которые предусматривали перевод текстов на многие языки, демонстрацию больших массивов данных, и – что самое важное – возможность для аудитории взять на себя ведущую роль в создании смысла.

Посетитель сам может конструировать его, опираясь на все пять следующих типов цифровых экспонатов:

- электронные тексты куратора на экранах;
- отображение исторических оригиналов (объектов, документов, фотографий, документальных фильмов и т.д.) на горизонтальных интерактивных мультимедийных сенсорных экранах;

- интерактивные мультимедийные сенсорные экраны для показа большого объема данных: коллекций, баз данных, визуализации гипотез исследователя и т.д.;
- аудиовизуальные экспонаты (художественные и документальные фильмы);
- практические экспонаты, сочетающие в себе материальные и цифровые элементы [5].

Типология цифровых экспонатов, ориентированная на медиа-технологии, хорошо подходит, когда выставочная команда стремится увязать цели, связанные с контентом, с конкретными цифровыми решениями. В качестве примера можно привести «Синтезатор свободы». Легендарные для местных жителей лозунги, а также фрагменты из радиопередач, музыкальных клипов, речей политиков и знакомые символы 1990-х гг. можно увидеть на большой инсталляции в форме стола с круглым дисплеем посередине. По краям стола расположены углубления квадратной формы, вмещающие до 20 гибких дисков (3,5 дюйма) разных цветов для обозначения разнообразных тем и доступного содержания. При установке диска в соответствующий слот на центральном экране появится визуальный элемент (например, логотип), текст, движущееся изображение или звук, а объединение каждого из них позволит создать ремикс на выбранные культурные артефакты [5].

Современная культура ремиксов, вдохновленная медиа 1990-х гг., позволяет пользователям смешивать различные медиа-форматы. При смешивании звука, видео/фотографий или текста результаты их работы видны в режиме реального времени в центре таблицы. В зависимости от возраста и опыта аудитория может смешать слегка знакомые лица, музыку/видео или графические изображения, а также включить функцию распознавания фраз, слов и названий песен в их первоначальном историческом контексте.

Посетители могут исследовать стол самостоятельно, с друзьями или присоединиться к другим, незнакомым людям. Культура ремиксов основывается на практике, где границы между медиапроизводством и воспроизведением сильно стираются, либо вовсе неотличимы друг от друга. Использование возможности смешивания форматов посетителями приводит к появлению новых, но эфемерных фрагментов: при смешивании контента пользователи могут создавать и реконструировать, но не сохранять результаты своей деятельности или делиться ими.

Технологический статус репрезентации сформирован, если рассматриваются технологии, позволяющие создавать/воссоздавать визуальные активы (либо точные

цифровые выборки реальности, либо утраченные или искаженные произведения искусства/архитектуры) и представлять их с помощью интерактивных дисплеев или устройств VR/AR. Превосходный коммуникационный потенциал этих технологий для музеев и научного сообщества совершенно очевиден.

Цифровые представления поставляются с различными типами и источниками данных — будь то 2D, 3D, 4D или за их пределами, оцифрованные или смоделированные в репрезентации. Перечислим технологии представления содержания, используемые в репрезентации [6].

1. Изображения с высоким разрешением. Изображения – наиболее распространенный визуальный носитель. Они были частью истории искусств и археологии с самого начала, первоначально используя аналоговую печатную версию, а в последнее время и цифровую поддержку (либо собственные цифровые изображения, либо отсканированные со старых гравюр/слайдов). Несмотря на то, что изображение полностью интегрировано в технологии с момента появления Интернет, в некоторых аспектах отсутствует стандартное решение для архивирования и визуализации. Большинство изображений, получаемых в настоящее время, имеют очень высокое разрешение. Учитывая впечатляющую эволюцию цифровой фотографии, можно констатировать, что именно изображения с высоким разрешением становятся востребованным ресурсом.

2. Многоспектральные изображения, используемые как отраженные на поверхности волны определенной длины. К примеру, инфракрасные изображения, позволяющие обнаружить недоделки, или ультрафиолетовые изображения, обнаруживающие наличие патины или слоев биологических веществ, выцветших или современных красок.

3. Изображения с преобразованием отражения (RTI). Переосветляемые изображения (обычно называемые Reflection Transformation Images – RTI) становятся популярной технологией получения детальной и интерактивной документации на объектах. Это особенно полезно для артефактов со сложными свойствами отражения света. Преимущество такого представления в том, что есть возможность изменения направления падающего на изображение света в режиме реального времени (т.е. во время визуализации) и использования улучшенных режимов визуализации для изучения мелких деталей поверхности объектов. Визуальное качество и достоверность, поддерживаемые

этим носителем, впечатляют и во многих случаях превосходят то, что можно смоделировать с помощью 3D-моделей.

4. Видео – это еще один носитель информации, который чрезвычайно прост в создании (для многих приложений достаточно мобильного телефона) и представлении публике. Более того, видеоролики не просто снимаются, но и создаются синтетически с помощью инструментов компьютерной анимации. Этот источник данных становится все более распространенным среди детей.

5. Панорамные изображения и видео на 360 градусов – совершенно новые средства массовой информации, предоставляющие интерактивные возможности, позволяя пользователям перемещаться по визуальным ресурсам и взаимодействовать с ними. Простота и скорость получения, а также богатство деталей, обеспечиваемое поддержкой высокого разрешения, делают панорамные изображения идеальным средством для просмотра контента. Панорамная видеозапись остается трудоемким процессом, осуществляясь либо из нескольких поз, снятых камерой, установленной на штативе, либо с помощью специальных устройств на базе нескольких камер.

6. Модели рельефа местности. Модели рельефа обычно называются 2,5-мерными данными. Они довольно распространены в географических или наземных представлениях и часто используются для визуального представления контекста географических открытий. Эти данные обрабатываются с помощью ГИС-подходов или в виде стандартных 3D-данных.

7. 3D-представления также становятся довольно распространенными относительно культурного наследия. Используются два класса моделей: выборочные модели, создаваемые с помощью активного 3D-сканирования (лазерные системы или системы, использующие структурированный свет) или с использованием методов фотограмметрии (создание 3D-моделей из набора 2D-изображений); а также смоделированные представления, созданные с использованием управляемых пользователем систем моделирования, предназначенных для приложений 3D-моделирования и компьютерной анимации.

Выборочные модели дают гораздо больший контроль над точностью представления, чем представления смоделированные. И наоборот, последние более распространены для широкого общественного применения (например, для создания видеороликов или виртуальных реконструкций).

8. Звук – еще один важный компонент моделирования и репрезентации виртуальных пространств. Тихая 3D-сцена нереалистична и недостаточно захватывает внимание пользователя в виртуальной реальности. По этой причине звук оказывается ключевым параметром при создании сложных визуальных продуктов.

Примером гибрида нескольких средств массовой информации служит исследовательский проект Crossroads [2]. Он предлагает подход, в рамках которого под влиянием исторических событий создано пятнадцать нарративов, посвященных провинции Брабант в Нидерландах времен Второй мировой войны. Разработка подхода к повествованию основана на исследовании тем и событий в рамках модели повествовательной структуры, проходящей четыре этапа:

- определение обстановки, включающей в себя определение пространства, времени, главных героев и других вводных событий;
- определение момента, когда события разворачиваются в движение и активируются следующие шаги;
- определение поворотных моментов, когда принимаются решения относительно сюжетной линии и ускорения действия;
- определение концовки/или разрешения драмы [3].

Каждое повествование предназначено для одного места, и взаимодействие посетителя с развитием сюжета допускается только в «поворотной точке» сюжета, что позволяет пользователю влиять на окончание истории. Согласно определенной концептуальной модели, человек воспринимает историю от первого лица, и ему предлагается сделать определенный выбор, который повлияет на жизнь персонажей истории.

С технической точки зрения этот опыт основан на использовании дополненного видео. Записанные сцены с актерами, разыгрывающими драму в физическом пространстве, смешиваются с виртуальными сценами, создавая гибридный опыт, который переносит пользователя в прошлое. Приложение использует технологии геолокации, чтобы зарегистрировать опыт в физическом пространстве и сделать контент видимым для посетителей [2]. Пользователь не имеет особого контроля над перемещением в пространстве и сюжетом, однако рассматривается как активный участник истории.

Основная задача при работе с визуальными носителями – найти и использовать надлежащие инструменты визуализации. Визуальные носители обычно представляют

собой сложные данные, поэтому необходимы эффективные процессы визуализации, решающие сразу несколько технических проблем (упрощение данных, кодирование с несколькими разрешениями, сжатие, прогрессивная передача). Все эти темы активно исследуются в настоящее время.

Примеры интерактивных систем, в которых единый контекст интерактивной визуализации управляет медиа, свидетельствуют о том, что в актуальных условиях не следует выбирать лишь один носитель и тем самым ограничивать возможности анализа. Следует использовать столько носителей, сколько необходимо и полезно для определенной коммуникационной, культурной или учебной задачи. Использование нескольких носителей в рамках одной экспозиции может увеличить объем информации, которую можно передавать, воспринимать и усваивать.

По-прежнему необходимы решительные усилия по распространению инновационных технологий и сложных решений в сообществах пользователей. Поскольку персонал, занятый в сфере культурного наследия, имеет, как правило, гуманитарное образование, требуется его интенсивное обучение и консультирование. Цифровая коммуникация не может быть реализована усилиями лишь искусствоведов и кураторов, – требуются мультидисциплинарные команды креативных индустрий, созданные в различных институтах. Цифровые экспонаты в музее выполняют несколько различных функций – они добавляют, улучшают или заменяют музейные предметы в их традиционном понимании [1]. Кроме того, цифровые технологии позволяют музейному контенту покидать здание музея, облегчая доступ к музею для большего числа людей, повышая охват аудитории и социальную значимость.

Библиографический список:

1. Внукова М. А. Репрезентация музея в виртуальной среде / М. А. Внукова, А. В. Чернышева // *Инновационные научные исследования*. 2022. № 5-1 (19). С. 152-164.
2. Malm C. *Social Innovations in Museum and Heritage Management // New Approach to Cultural Heritage. Profiling Discourse Across Borders*. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2021. Pp. 201-219.
3. Neher G. *Telling Difficult Stories: VR, Storytelling and Active Audience Engagement in Heritage Sites and Museums // Visual Heritage: Digital Approaches in Heritage Science*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2022. Pp. 509-526.

4. Rauterberg M. Culture and Computing. Interactive Cultural Heritage and Arts. 1 part. Eindhoven: Nicosia: Springer Nature Switzerland AG, 2021. 484 p.
5. Runnel P. Why is This Exhibit Digital? – Dimensions of Digital Exhibits in the Museum Space / P. Runnelm P. Pruulmann-Vengerfeldt, K. Lepik // Emerging Technologies and the Digital Transformation of Museums and Heritage Sites. Nicosia: Springer Nature Switzerland AG, 2021. Pp. 47-60.
6. Scopigno R. Mixing Visual Media for Cultural Heritage // Emerging Technologies and the Digital Transformation of Museums and Heritage Sites. Nicosia: Springer Nature Switzerland AG, 2021. Pp. 297-314.
7. Li W. The Interactive Design and User Experience of Virtual Museums: Case Study of the Virtual Palace Museum / W. Li, X. Huang // Cross-Cultural Design. Applications in Learning, Arts, Cultural Heritage, Creative Industries, and Virtual Reality. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2022. Pp. 400-409.

Vnukova M.A., Dmitrieva V.E. **Representation of museum space in a virtual environment (foreign experience)**

The work is devoted to the analysis of the representation of museum space in a virtual environment abroad. The article discusses various classifications of modern digital exhibits and mass media used in the representation of foreign museum spaces, as well as provides examples of their use and combination.

Keywords: museum space, representation, exhibits, museum, virtual environment.

УДК 159.96

Е. А. Фролов

О моделях исследования выученной беспомощности

Аннотация:

В статье рассматриваются теоретические и методологические проблемы исследования выученной беспомощности. Описывая современные представления о выученной беспомощности, автор подчеркивает актуальные тенденции в методологии и теории обозначенной области исследования. С позиций культурно-исторического подхода отмечается одно из направлений преодоления наметившихся проблем в теории и практике феномена выученной беспомощности.

Ключевые слова: выученная беспомощность, феноменология выученной беспомощности, генезис выученной беспомощности.

Об авторе: Фролов Евгений Александрович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры клинической психологии; эл. почта: fvevgeny@gmail.com

Научный руководитель: Хозиев Вадим Борисович, Государственный университет «Дубна», доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии; эл. почта: v_hoziev@mail.ru

В 1978 г. М. Селигман и Л. Абрамсон опубликовали статью, подводящую итоги многолетнего опыта исследований феномена выученной беспомощности (далее – ВБ) [20]. Статья содержала критику бихевиоральных моделей феномена, существовавших до 1960-х гг., которая стала основанием для обширного пересмотра собственной модели ВБ, приводящего к выводу о необходимости обсуждения когнитивной стороны феномена. С этой статьи начинается современный этап изучения беспомощности, характеризующийся поиском когнитивных оснований феномена.

Начиная с конца 1970-х гг. исследования Селигмана и его коллег продвигались по линиям обогащения атрибутивной модели ВБ эмпирическими подтверждениями, а также

изучения связи ВБ с депрессией, тревожностью и другими нарушениями эмоциональной и когнитивной сферы человека [19; 21; 28]. В 1982 г. ими разработан первый количественный метод диагностики ВБ – опросник атрибуции (ASQ), а к середине 1980-х гг. этот опросник уже адаптировали для изучения беспомощности у детей (CASQ) [27]. Это позволило быстро выявлять беспомощных подопечных разных возрастов, исследовать корреляции результатов ASQ и CASQ с результатами других тестов и опросников, а затем и вовсе устранить экспериментальный метод из программы исследования беспомощности, сосредоточив силы на изучении ее коррелятов с различными аспектами жизни человека. Так окончательно завершилась эпоха лабораторных исследований феноменологии ВБ у человека.

Изменения в процедуре исследования ВБ привели к тому, что уже к середине 1980-х гг. ВБ была фактически приравнена к негативному стилю атрибуции: диагностика беспомощности проводилась как диагностика стиля атрибуции при помощи ASQ и CASQ. В конце 1990-х гг. Селигман сосредоточился на построении теории «выученного оптимизма», которая должна была показать противоположные ВБ феномены, найти методы профилактики и пути преодоления беспомощности, уже окончательно понимаемой в качестве негативного стиля атрибуции [29; 30]. Постепенно стирались границы беспомощности и других феноменов, объясняемых через негативный стиль атрибуции, например, депрессией: «Абрамсон и коллеги (1978) ..., похоже, не замечают фундаментальной идентичности переформулированной теории беспомощности с теорией депрессии Бека» [22].

По мнению К. Ханер, модель, разработанная Селигманом, по мере своего развития теряет валидность из-за чрезмерного расширения значения основных понятий [22]. Так, «срезовой» и количественный характер исследовательских процедур и неоднозначность методологии моделей ВБ стали той почвой, на которой базируются современные исследования выученной беспомощности. К примеру, в России в исследованиях ВБ Н. А. Батурина, Д. А. Циринг и их коллег центральное место продолжает занимать метод «срезов». Различие в обосновании количественных методов исследования номинальной подменой «компонентной структуры» принципом системности С. Л. Рубинштейна принципиально не меняют положения.

Исследования ВБ разворачиваются через толкование ее причин в понятиях теории деятельности через *факторы* и *корреляции*. В итоге формируется интерпретативная

модель, при которой объяснение фактов становится шире самих фактов. Попытка реализации «принципа развития» приводит к такой же парадоксальной ситуации: описание причин, условий, этапов и законов развития ВБ подменяется описанием разницы характеристик познавательных процессов или свойств личности (по результатам тестирования или опроса) в различных возрастных группах [16].

Сведение качественного по своей сути материала личной трагедии человека, не способного отвечать на требования социума, к количественному и становится наиболее проблемным звеном в исследованиях ВБ. Из этого вытекает целый ряд проблем методологии и теории беспомощности: в исследованиях процветает эклектика теоретических положений (например, положение о единстве сознания и деятельности соседствует здесь с понятиями «адаптация» и «гомеостаз» или с описанием поведения беспомощных людей из исследований М. Селигмана), не находящих ни подтверждения, ни опровержения в эмпирии [15].

В итоге активность субъекта изучается и анализируется в понятиях теории поведения, личность представлена в виде количественных характеристик психики (эмоциональных, мотивационных, когнитивных или волевых *компонентов*, выраженных в результатах тестов и опросников), причины формирования беспомощности трактуются как факторы, в то время как реальные причины (часто иные причины), действующие намного раньше, в момент оформления феномена, остаются скрыты от исследователей. Произвольное соединение различных методических инструментов с разными теоретическими и методологическими положениями приводит к устранению принципа развития из проблемного поля исследования, поскольку все изучаемые факты только на словах получают свое обоснование как действующие во времени. Таким образом, попытки применения теории деятельности к феноменологии беспомощности, как правило, заканчивались оформлением эклектичной модели [1; 8; 9; 10; 17].

Обозначенные тенденции возникают ввиду несогласованности психологов в понимании сущности феномена беспомощности. Принимая без изменений общепринятые теоретические предпосылки, большая часть исследователей занимается внешней стороной вопроса, изучая проявления беспомощности, сопутствующие ей нарушения поведения и психики (пессимистичный уровень атрибуции, депрессию, низкую жизнестойкость, низкий уровень субъектности). Для подобных исследований центральной задачей стало накопление эмпирических данных, а исследование конкретных черт и аспектов

беспомощности с последующем соотнесением их между собой – главным направлением работы.

Многие современные исследователи ВБ придерживаются индуктивного подхода к знанию, согласно которому формулировка общих представлений о феномене в целом должна быть выведена из внимательного изучения, описания и классификации достаточной совокупности эмпирических данных. Первым результатом реализации такого подхода стало накопление огромного количества непроанализированного материала, полученного с помощью количественных методов исследования: опросников, тестов и иных «срезовых» процедур. Сами по себе, взятые как совокупно, так и по отдельности, эти данные практически ничего не дали для системного, целостного понимания содержания и развития беспомощности человека. Из разрозненных результатов опросников и тестов мы получили лишь совокупность статистических соответствий результатов «срезовых» исследований тех или иных сторон поведения и психики подопечных с ВБ (именуемых часто *средней температурой по больнице*). Другим следствием этой программы исследования стала редукция ВБ к тому или иному понятию из общепсихологических теорий.

В исследованиях беспомощности начала прослеживаться тенденция: если у испытуемого встречается теоретически значимый компонент ВБ, то по уже по этому признаку можно точно установить ее наличие. Однако это допущение ведет к односторонним трактовкам феномена, игнорированию тех сторон ВБ, которые не попадают в «ядерное» понятие, не составляют сущность феномена. Редукция беспомощности к какому-то из ее проявлений – результат методологической и теоретической исторически сложившейся традиции.

Считается, что редукция справедлива для ВБ в том случае, когда старая модель беспомощности с ее эмпирическими данными полностью выводится из понятий новой теории. В таком случае предполагается, что классическая феноменология ВБ становится логическим следствием новой теории, в рамках которой отношения экспланандума (феноменология ВБ) и эксплананса (редуцируемого понятия) подчиняются правилам вывода, а значения понятий и описания феноменов инвариантны относительно процесса преобразования теории, то есть редукции (в процессе редукции главные дескриптивные термины экспланандума не теряют своего значения, в результате терминологических

преобразований теоретической модели мы не теряем существенной информации о феномене).

Однако в современных моделях ВБ исходная феноменология оказывается заведомо шире любой теоретической модели, к которой ее пытаются редуцировать. Факты, собранные в разное время разными исследователями, придерживающимися разных теоретических позиций, оказываются нередуцируемыми, из-за чего редукция в исследованиях ВБ приводит к потере той или иной части содержания. Так, например, в современных исследованиях повсеместно игнорируются многочисленные попытки исследователей изучить то влияние, которое оказывают условия жизни и деятельности человека на формирование и изменчивость проявлений ВБ: самостоятельность и свобода выбора действий по улучшению качества своей жизни, сложность строения независимых переменных в экспериментальном формировании беспомощности, возможности осуществлять поиск решений проблемной ситуации [11; 25; 26; 32].

Забытыми остаются экспериментальные факты о влиянии различных аспектов контролируемости событий на формирование ВБ, добытые в ранних исследованиях феномена [23; 24]. Мы можем констатировать фактическое прекращение попыток изучения характеристик гипотетических причин возникновения беспомощности: неуспешности, неудач, неспособности, неконтролируемости событий и др. В попытках найти опору в эмпирии, современная психология приобрела возможность количественного исследования беспомощности, но потеряла в понимании ее содержания. Чтобы понять ВБ не как совокупность феноменологии, а как явление психического характера, сохраняющее свою целостность в деятельности человека, имеющее свои уровни организации, собственное строение, возникающее из предшествующих ей психических форм, необходимо обозначить системные психологические связи и законы, по которым феномен вообще можно рассматривать как психологическое новообразование. Нужно создавать модель феномена ВБ сверху, продвигаясь от теории психики и ее развития к конкретным психическим явлениям и ВБ как частному случаю этой теории.

Такой путь должен гарантировать системность теоретической модели ВБ, ведь сам феномен в ней трактуется как системное, закономерно появляющееся при определенных обстоятельствах новообразование психики. Следовательно, объяснение феномена беспомощности должно исходить из принципиально иного отношения к эмпирическим фактам, учитывающего их связанность с жизнью человека, сложную историю их

происхождения, неслучайность строения и функционального значения в деятельности человека. Исследование ВБ требует учета широкого контекста социальных, культурных и исторических условий своего формирования. Как и другие психологические феномены, беспомощность выступает *сложносочиненным* новообразованием, с точки зрения развития не имеющем ничего случайного в своих проявлениях и структурных компонентах, функционально включенным в деятельность человека, в его реальную жизнь.

Возникает необходимость в новых системных понятиях и глубоком переосмыслении теории, которую, с нашей точки зрения, можно осуществить на основе культурно-исторической концепции. Психологическая система и высшие психические функции, как их понимал Л. С. Выготский, совершенно отличаются от механически соединенных между собой компонентов, структурных элементов. Выготский писал, что «понятие системы и функции... предполагает известную закономерность в построении системы, своеобразную роль системы как таковой, наконец, историю развития и образования системы, в то время как сумма или цепь реакций ничего не предполагает для своего объяснения, кроме простого совпадения, внешней смежности известных стимулов и реакций. Также и понятие психической функции... необходимо предполагает и заключает в себе, во-первых, отношение к целому, относительно которого выполняется известная функция, и, во-вторых, представление о целостном характере самою того психического образования, которое именуется функцией» [2, с. 7].

Таким образом, исследование любой психологической системы следует начинать с выяснения закономерностей ее построения, качественного содержания функционирования этой системы (какие она выполняет функции и какие задачи решает) и истории ее развития. Культурно-историческая концепция и возникает как попытка систематизировать эти области знания, выстроить единое понимание генезиса психики, структуры и функционирования психики в норме и патологии. Эта система взглядов предполагает несколько важных направлений в изучении феноменов психики, которые мы можем перенести на область исследования ВБ:

- изучение беспомощности как психологического новообразования, психологической системы, сформированной в определенной социальной ситуации развития, проявляющейся в ведущей деятельности, от чего зависит ее строение и функции

– основания для такого рассмотрения психологических систем дано в работах Л. С. Выготского [4];

- изучение ВБ должно происходить не методом «срезов», а экспериментально-генетически, через систематическое изменение конкретной проблемной ситуации и через это изучение перестройки ВБ как формы ориентировки – формирующий метод наиболее систематически разработан П. Я. Гальпериным [5; 6; 7].

Таким образом, системное понимание причинности ВБ требует переосмысления классической модели детерминации феномена, центральным моментом которой выступает понятие о систематическом неуспехе как главной детерминанты развития. Сомнения по поводу действующей силы неуспешности возникали еще на заре оформления представлений о причинном характере неуспеха, а из исследований отечественных психологов мы знаем, что неуспешность или препятствия, возникающие в деятельности человека, сами по себе являются неотъемлемыми условиями развития психики в фило- и онтогенезе [20].

В ситуации неуспешности создаются условия для развертывания ориентировки человека, формирования новых действий, средств решения задачи. Систематический неуспех является результатом неполной ориентировки [6; 18]. Таким образом, обычным действием человека в ситуации неуспеха становится либо полноценная ориентировка и формирование нового действия с учетом новых условий задачи, либо применение старого действия, без подстройки к новым условиям, что может привести к новой неудаче. Беспомощностью мы бы назвали невозможность сориентироваться, создающую ситуацию систематического неуспеха.

Переосмысление основных теоретических представлений требует и изменений в методической части исследования. Для построения системной психологической модели ВБ нужно проводить диагностику самого феномена, а не его суррогатов (атрибуции, самостоятельности, эмерджентности, самодетерминации и субъектности и др.). Для этого требуется обследовать подопечного в реальной деятельности:

- беспомощность возникает при выполнении определенных задач и в контексте определенной значимой для человека деятельности, поэтому нам следует выстроить систематическое организованное изучение ее конкретных проявлений в значимой деятельности (как правило, это ведущая деятельность), понять то влияние и эффект, который ВБ оказывает на нее;

- имеются особые требования к исследованию структуры и функционирования ВБ с точки зрения их изменчивости (зависимости от смены ведущей деятельности, от изменения системы отношений беспомощного человека, от появления средств для осуществления успешной ориентировки в проблемной ситуации), ведь диагностика не должна оставаться только фиксацией или детекцией, но обязана давать основания для построения прогноза;

- общие тенденции развития методов обследования подопечных с ВБ показывают необходимость разработки качественного метода диагностики беспомощности через особым способом организованное наблюдение за деятельностью беспомощных подопечных, совмещенное с возможностью варьирования условий этой деятельности (организацией условий, при которых ВБ возникает и исчезает при решении одной и той же задачи), а также с предварительным изучением предыстории проблемы и развития ВБ.

Системное изучение феномена ВБ, видимо, требует неклассического подхода к исследованию. Мы видим попытки создания такого подхода в генетико-моделирующем исследовании, которое возникало как антитезис методу «срезов», а также и в различных психотехнических программах (в том числе и психотерапии как технике). Представляется, что и эти попытки создания единой программы исследования психики в конечном счете сводятся к единой программе исследования психологического смысла психических явлений, их развития и контекста, жизни человека – к консультативному методу [3; 12; 13; 14].

Консультирование – это неклассический метод исследования, но исследовательская программа «порождения и управления кризисами развития, координированной организации распада и развития, уникального сочетания формирования и деформирования в индивидуальных и групповых условиях» [13]. В области психологии выученной беспомощности этот подход позволит:

- провести контекстуальное исследование ВБ, учитывающее всю предысторию развития беспомощного человека, историю развития проблемы с пониманием беспомощности не как совокупности симптомов, накопленных под действием факторов, но нелинейно, как постоянно меняющееся новообразование, являющееся результатом постоянного и изменчивого действия множества условий развития;

- сформулировать стратегию и тактику не только диагностики, но и преодоления ВБ, учитывающую «существенные (вплоть до кризиса развития подопечного с

последующим его преодолением) изменения личности подопечного, а также его окружения», осуществляемую «с учетом зоны актуального и ближайшего развития ... а также предполагает одновременное воздействие на социальную ситуацию развития (прямое – через консультирование членов семьи или близких, либо косвенное – через самого подопечного)» [12].

Учет личности, жизненного контекста формирования беспомощности, ее генезиса – основные требования к программе изучения феномена ВБ, без которых будущие модели неминуемо вернутся к проблематике метода «срезов» и несистемного понимания феноменологии беспомощности.

Библиографический список:

1. Батурин Н. А. Психология успеха и неудачи: Учебное пособие. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 1999. 100 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
3. Выготский Л. С. Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства. М.: Изд-во экспер. дефектол. ин-та, 1936. 78 с.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
5. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. / Под. ред. А. И. Подольского. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. 480 с.
6. Гальперин П. Я. Введение в психологию: учеб. для вузов / П.Я. Гальперин. М.: Университет, 1999. 332 с.
7. Гальперин П. Я. Метод «срезов» и метод планомерного поэтапного формирования в исследовании детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4. С. 128-137.
8. Забелина Е.В. Коммуникативная активность и беспомощность подростков: результаты формирующего эксперимента // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2008. № 5. С. 170-173.

9. Климова М. О. Диагностика личностной беспомощности у подростков: разработка и апробация психодиагностического инструментария / М. О. Климова, Д. А. Циринг // Сибирский психологический журнал. 2017. № 66. С. 130–140.
10. Циринг Д. А. Влияние самостоятельности на успешность научно-педагогической деятельности (субъектно-деятельностный подход) / Д. А. Циринг, Ю. В. Яковлева, М. О. Крылова // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. С. 361.
11. Ротенберг В. С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский. М.: Наука. 1984. 193 с.
12. Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. № 1. С. 190-206.
13. Хозиев В. Б. Консультативный метод исследования как грядущая парадигма психологии [Электронный ресурс] // Северный регион: наука, образование, культура. 2006. № 2. Режим доступа: <https://elib.surgu.ru/fulltext/SCIENCE/20968/info> (дата обращения: 05.05.2023).
14. Хозиева М. В. Практикум по возрастно-психологическому консультированию. М.: Академия, 2005. 320 с.
15. Циринг Д. А. Психологические функции личностной беспомощности / Д. А. Циринг, И. В. Пономарева // Вестник Томского государственного университета. 2012. №357. С.173-175.
16. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: специальность 19.00.01 "Общая психология, психология личности, история психологии": диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Томск, 2010. 456 с.
17. Шиповская В. В. Беспомощность как фактор формирования экстремистских установок в подростковой среде // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5 (124). С. 125-131.
18. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

19. Abramson L. Expectancy changes in depression and schizophrenia / L. Abramson, J. Garber, N. Edwards, M. Seligman // *Journal of Abnormal Psychology*. 1977. Vol. 87. Pp. 102-109.
20. Abramson L. Learned helplessness in humans: critique and reformulation / L. Abramson, M. Seligman, J. Teasdale // *Journal of Abnormal Psychology*. 1978. Vol. 87. Pp. 49-74.
21. Chaplin T. Gender, Anxiety, and Depressive Symptoms: A Longitudinal Study of Early Adolescents / T. Chaplin, J. Gillham, M. Seligman // *The Journal of Early Adolescence*. 2009. Vol. 29. Pp. 307-327.
22. Hahner K. Learned Helplessness: A Critique of Research and Theory [Electronic resource] // *Medical Research Moderization Society*. 1989 Vol. 1. Available at: https://www.safermedicines.org/reports/Perspectives/vol_1_1989/Learned%20Helplessness.html (accessed date: 05.05.2023).
23. Hiroto D. Locus of control and learned helplessness // *Journal of Experimental Psychology*. 1974. Vol. 102(2). Pp. 187-193.
24. Hiroto D. Generality of learned helplessness in man / D. Hiroto, M. Seligman // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. Vol. 31(2). Pp. 311-327.
25. Langer E. The effects of choice and enhanced personal responsibility for the aged: a field experiment in an institutional setting / E. Langer, J. Rodin // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1976. Vol. 34(2). Pp. 191-198.
26. Legault L. Why Do High School Students Lack Motivation in the Classroom? Toward an Understanding of Academic Amotivation and the Role of Social Support / L. Legault, I. Green-Demers, L. Pelletier // *Journal of Educational Psychology*. 2006. Vol. 98. Pp. 567-582.
27. Peterson C. The Attributional Style Questionnaire / C. Peterson, A. Saskatchewan, L. Abramson, G. Metalsky, M. Seligman // *Cognitive Therapy and Research*. 1982. Vol. 6, No. 3. Pp. 287-300.
28. Roepke A. Depression and propection. *The British Journal of Clinical Psychology* / A. Roepke, M. Seligman // *the British Psychological Society*. 2016. Vol. 55(1). Pp. 23-48.

29. Seligman M. Optimism, pessimism, and mortality // Mayo Clinic Proceedings. 2000. Vol. 75. Pp. 133-134.
30. Seligman M. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life. New York: Pocket Books, 1991. 319 p.
31. Seligman M. Attributional style and depressive symptoms among children / M. Seligman, C. Peterson, N. Kaslow (et al.) // Journal of Abnormal Psychology. 1984. Vol. 83. Pp. 235-238.
32. Zimbardo P. Learned helplessness, depression and the Stanford prison study [Electronic resource] // Psychology Today. 1973. Available at: <https://exhibits.stanford.edu/spe/catalog/jc904vf2664> (accessed date: 05.05.2023).

Frolov E. A. **About models of the study of learned helplessness**

The article discusses the theoretical and methodological problems of the study of learned helplessness. Describing modern ideas about learned helplessness, the author emphasizes current trends in the methodology and theory of the designated area of research; from the standpoint of the cultural and historical approach, the author notes one of the ways to overcome emerging problems in the theory and practice of the phenomenon of learned helplessness.

Keywords: learned helplessness, phenomenology of learned helplessness, genesis of learned helplessness.

УДК 342.4

Я.Ю. Завидный

Этика и право в контексте судебных практик

Аннотация:

В статье рассматривается значимость этики в контексте развития юриспруденции. На примерах из различных сфер юриспруденции автор подчеркивает важность этики для реализации норм права и развития правоотношений, складывающихся между государством, обществом и людьми в процессе их взаимодействия.

Ключевые слова: этика, правоотношения, юридическая этика, юриспруденция, правовые нормы.

Об авторе: Завидный Ярослав Юрьевич, Государственный университет «Дубна», аспирант кафедры юриспруденции; эл. почта: yarik_zavidniy@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, Государственный университет «Дубна», доктор философских наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Рассматривая повседневную жизнь, можно с уверенностью говорить о том, что современный человек ежедневно сталкивается с областями этики и права в том или ином виде: совершая покупки, выбрасывая мусор, осуществляя трудовую деятельность, посещая театры, контактируя с другими людьми. В рамках исследуемой темы мы обозначим аргументы в пользу тезиса о взаимосвязи этики и юриспруденции, о невозможности существования одного без другого.

Как отмечает А. М. Шадже, значение юридической этики состоит в том, что она придает нравственный характер правосудию, прокурорским функциям, следственной работе, а также другим видам юридической деятельности: «нравственные нормы наполняют правосудие и юридическую деятельность в целом гуманистическим содержанием». Вместе с тем юридическая этика позитивно воздействует на правовую

сферу, способствуя формированию правового сознания современного гражданина [11, с. 9]. Нередко мораль человека останавливает его от совершения правонарушения – в этом смысле закон выступает функцией культуры, в то же время закон без морали есть «культурное самоубийство, и именно это породят люди...», которые заходят разделить право и этику [10, с. 198].

Юридическую этику можно условно разделить на некоторые подвиды, в частности, выделив юридическую этику в рамках правоприменительной деятельности, юридическую этику в контексте осуществления правосудия, а также юридическую этику законотворческой деятельности и юридическую этику в исполнении компетентными органами надзорных функций.

Говоря о юридической этике, следует отметить, что основополагающие принципы гражданского, земельного и иных отраслей права предусматривают наличие этических основ. Например, сославшись на норму статьи 1 ГК РФ, можно говорить о том, что гражданские правоотношения должны базироваться на принципах признания равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты [2].

В последнее время частым явлением становится нарушение авторских прав. Благодаря принятию части третьей ГК РФ стало возможным отстаивать свои права на результаты интеллектуальной собственности и добиваться справедливости в рамках защиты нарушенных прав. Ярким примером подобного рода спора выступает гражданское дело, рассмотренное Басманным районным судом № 2-1796/2022 по иску С. М. Костюшкина к Е. А. Гырдымовой о запрете использования музыкального произведения, взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на музыкальное произведение и возмещении судебных расходов [7].

Гырдымова публично использовала переработанную музыкальную композицию, написанную Костюшкиным, получая за это имущественную выгоду. Судом со ссылкой на правовые нормы статей 1255, 1228, 1257, 1259, 1270 ГК РФ, статей 88, 98 ГПК РФ установлено незаконное использование чужой интеллектуальной собственности и вынесено решение о запрете Гырдымовой использовать музыкальное произведение Костюшкина, а также выплате компенсации за нарушение исключительных прав.

Описываемый случай ярко демонстрирует стремление законодателя в правовом поле не допустить произвольное вмешательство не только на посягательства, направленные на защиту имущественных интересов других лиц, но и на недопустимость извлечения и использования результатов интеллектуальной деятельности других лиц в своих интересах без должного на то согласия автора.

Этические основы строятся как в пределах осуществления правосудия в процессе его осуществления, так и непосредственно в процессе его вершения. Гражданский процессуальный кодекс содержит ряд положений, предусматривающих основы уважения к суду, равенства всех участников судебного процесса, осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон. Каждый судебный процесс должен быть осуществлен в пределах определенной судебной этики: необходимость встать перед судом в момент входа и выхода в зал заседания и в момент выражения позиции, уважительное обращение к суду («Уважаемый суд», «Ваша честь»), недопустимость перебивания докладчика. Нарушение основных принципов судопроизводства может стать основанием для изменения или даже отмены решения суда [4].

Закрепляя положения о морально-правовой стороне судебного процесса, действующие положения Уголовного кодекса регламентируют юридическую ответственность за их нарушение. Так, статья 297 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства с наказанием в виде ареста на срок до четырех месяцев [3].

Показательным примером выступает приговор Шипуновского районного суда Алтайского края по делу № 1-135/2021 от 16.02.2022 г. в отношении подсудимого, оскорблявшего участников процесса и применявшего насилие в отношении представителя власти (прокурора), не представляющее опасности для жизни и здоровья. Подсудимый не реагировал на замечания и предупреждения об ответственности за неподобающее поведение. После многочисленных нецензурных высказываний он снял обувь и начал кидаться ею в сторону прокурора, попав тому в щиколотку левой ноги [6]. С учетом обстоятельств дела Федеральный судья Шипуновского районного суда Алтайского края вынес обвинительный приговор, признав подсудимого виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 297; ч. 1 ст. 318 УК РФ, и назначив ему наказание в виде 200 часов обязательных работ.

На базе изложенного судебного акта можно проследить этическую сторону вопроса в рамках реализации правосудия. Нормы права способствуют обеспечению порядка проведения судебного заседания и надлежащему соблюдению норм права и этики. Посредством закрепления ряда превентивных уголовных и административных норм становится возможным оказать воздействие на участников судебного процесса. Законодатель заинтересован в том, чтобы стороны судопроизводства соблюдали нормы этики и ведения судебного процесса в оговоренных законом условиях.

Говоря о юридической этике в пределах законотворческой деятельности, можно проследить определенные закономерности. При издании нормативного акта необходимо отслеживать его соответствие основам Конституции и принципам и нормам международного права [1]. В случае несоответствия правовой акт может быть признан незаконным, перестав порождать правовые последствия. Правовая норма не может нарушать нормы морали и нравственности и в случае несоответствия не пройдет ни третье, ни второе, ни первое чтение в рамках его принятия законодательным (представительным) органом власти.

В подтверждение изложенного тезиса следует сослаться на судебный акт Конституционного суда Российской Федерации, инициированный по запросу Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, предметом которого выступила проверка Закона Московской области №10/95-ОЗ от 28 апреля 1995 г. «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» [5]. Верховный суд, направляя на рассмотрение запрос, аргументировал тем, что субъекты РФ лишены права предусматривать в своих законах иные основания прекращения полномочий депутата, в том числе его отзыв, в отличие от того, что предусмотрено Конституцией РФ.

Конституционный суд РФ пришел к выводу о том, что основной закон России предусматривает принципы демократического правового государства, в том числе принципы идеологического и политического многообразия, многопартийности, основанием для отзыва депутата не могут служить его политическая деятельность, позиция при голосовании и иные подобные положения. Сама процедура отзыва должна обеспечивать депутату возможность объяснить избирателям его причины и гарантировать участие избирателей в тайном голосовании по отзыву.

Защита чести и достоинства отозванного депутата, его гражданских прав и свобод осуществляется в судебном порядке, в связи с чем в случае несогласия депутат вправе его

оспорить. Судебным актом установлено, что ряд норм права, содержащихся в отечественном законодательстве, должен соответствовать нормам и принципам Конституции РФ. В случае, если закон, по мнению граждан, либо самого судебного органа власти, противоречит принципам и основам этики, нравственности или принципам, на базе которых строится правовое государство, предусматривается право обращения в Конституционный суд РФ.

Благодаря этическим нормам, сложившимся в обществе, становится возможным определить, какие из них подлежат особой охране со стороны государства. К примеру, лишение права собственности другого лица уголовно наказуемо и подлежит ответственности в соответствии с нормами Особенной части УК РФ, равно как посягательства на личные неотчуждаемых прав человека: честь, достоинство, жизнь, право интеллектуальной собственности, другие права человека.

В. Ф. Олешко и О. С. Мухина отмечают, что «индустрия медиафриланса активно развивается, а с учетом того, что младшее, цифровое поколение намного более лояльно и позитивно относится к внештатной работе, можно прогнозировать дальнейшее ее распространение, что неизбежно приведет к повсеместному урегулированию и на законодательном, и на морально-этическом уровнях» [9]. Таким образом, морально-этические нормы определяют нормы юридические – они не нуждаются в их закреплении. Этические нормы во многом опережают нормы права, благодаря ним образуются общественные институты, впоследствии формирующие институты правовые.

Юридическая этика в рамках исполнения компетентными органами надзорных функций заключается в том, что действующие положения законодательства предусматривают меру дозволенного поведения органов исполнительной и надзорной власти с учетом этических норм. На примере осуществления предварительного следствия и дознания на базе принципа недопустимости вторжения в жилище подозреваемого без получения ордера (судебной процедуры) можно проследить связь норм этики и уголовного процесса. Принцип недопустимости вменения лицу вины без соответствующих законных оснований, а равно лишения его свободы и иного рода ограничений также подтверждают эту позицию. Помимо уголовно-правовой специфики в рамках осуществления прокурорского надзора и административно-правовых процедур, существует урегулированная законом процедура, несоблюдение которой влечет

негативные последствия (санкции) для лица, его нарушившего вплоть до дисквалификации и иных негативных правовых мер.

Различные правовые отрасли и сферы юриспруденции предусматривают собственный свод этических норм, общеобязательный для его участников. Действующая российская юриспруденция выделяет: «Кодекс судейской этики», «Кодекс профессиональной этики адвокатов», «Кодексы этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации», а также иные отраслевые кодексы этики. Как отмечает В. А. Вовк, моральные нормы кодексов профессиональной этики «не только соответствуют международным требованиям и ожиданиям российского общества, но и получают правовую поддержку и юридические гарантии в виде государственного принуждения государственных служащих к их соблюдению [8].

Юриспруденция находится в тесной связи с этикой и зависит от нее. Формирование норм права – это следствие сложившихся в обществе правил поведения, признанных наиболее существенными. Таким образом, можно говорить о первостепенности этики при формировании права.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 2014. № 31.
2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» в связи с запросом Судебной

коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» от 24.12.1996 N 21-П // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, N 2, ст. 348.

6. Приговор Шипуновского районного суда Алтайского края по делу №135/2021 (1-15/2022) от 16.02.2022 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/YdhfUKw5QRb6/> (дата обращения: 7.03.2023).

7. Решение Басманного районного суда города Москвы от 13.04.2022 г. по делу №2-1796/2022 [Электронный ресурс] // Сайт Басманного районного суда города Москвы. Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/civil/details/d5d40510-9a17-11ec-ab42-017d704156d3> (дата обращения: 7.03.2023).

8. Вовк В. А. Кодексы профессиональной этики и служебного поведения государственных служащих и их значение для противодействия коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №9. С. 124-127.

9. Олешко В. Ф. Этико-правовой аспект деятельности медиафрилансеров цифровой эпохи / В. Ф. Олешко, О.С. Мухина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. №1 (39). С. 166-170.

10. Сарбаев Г. М. Закон и мораль // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №4. С. 198-201.

11. Шадже А. М. К вопросу о содержании и значении юридической этики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. №8. С. 1-9.

Zavidniy Ya. Yu. Ethics and law in the context of judicial practices

The article examines the importance of ethics in the context of the development of jurisprudence. Using examples from various fields of jurisprudence, the author emphasizes the importance of ethics for the implementation of legal norms and the development of legal relations between the state, society and people in the process of their interaction.

Keywords: ethics, legal relations, legal ethics, jurisprudence, legal norms.

УДК 303.732

Л. И. Голяткина

Актуальные проблемы системного анализа и управления: этический аспект

Аннотация:

В статье рассмотрены этические принципы и их применение в рамках системного анализа и управления. Методы научного исследования в этой области используются для изучения сложных систем и разработки стратегий, повышающих их результативность. Несмотря на способность методов системного анализа и управления оказывать значительное влияние на общество и окружающую среду, последствия их применения, связанные с нарушением этики, нередко остаются незамеченными.

Ключевые слова: этика науки, системный анализ и управление, технология, искусственный интеллект, большие данные.

Об авторе: Голяткина Любовь Игоревна, Государственный университет «Дубна», аспирант, ассистент кафедры системного анализа и управления; эл. почта: lubovgolyatkina@mail.ru

Научный руководитель: Багдасарьян Надежда Гегамовна, Государственный университет «Дубна», доктор философских наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: ngbagda@mail.ru

Область системного анализа и управления имеет решающее значение для успеха организаций в различных отраслях. Она включает в себя применение научных методов изучения сложных систем и разработки стратегий повышения их результативности. Однако этические последствия применения этих методов часто упускают из виду, несмотря на их способность оказывать значительное влияние на отдельных людей, сообщества и окружающую среду.

Всемирные саммиты по информационному обществу в Женеве (2003 г.) и в Тунисе (2005 г.) посвящены анализу различных сторон формирующегося глобального

информационного общества. В Декларации принципов, принятой в Тунисе, Принцип 5 гласит: «Информационное общество должно быть основано на этических и моральных ценностях и обеспечивать условия, при которых в полной мере уважается и крепнет человеческое достоинство». В качестве этических моральных ценностей информационного общества, наряду с общепризнанными, такими как мир, свобода мысли, совести и вероисповедания, равенство, солидарность, терпимость, бережное отношение к природе, особо важными ценностями признаются правдивость, доверие, честность, справедливость, человеческое достоинство, неприкосновенность частной жизни, защита культурного разнообразия, уважение нравственных, социальных и религиозных ценностей всех обществ [4; 6].

Современные технологии обострили проблему ценностей человеческого духа и выбора дальнейшего пути нашей цивилизации. Всем памятен XX в. с его противоречиями и катастрофами мирового значения. Масштабы достижений и деструкций, совершенных людьми в XX в., несравнимы с другими временами человеческой истории [3].

Известны три подхода к технологии. В частности, И. Барбур описывает их следующим образом:

1. технология как освободительница, поставляющая блага людям;
2. технология как угроза, связываемая с такими последствиями, как всеобщая стандартизация, обезличенность и манипулирование в массовом обществе, отчуждение, инфляция человеческих отношений, риск утраты контроля над технологическим прогрессом;
3. технология как орудие власти, не хорошее и не плохое по своей сути, – инструмент, применение которого зависит от социального контекста [1].

Цифровое наблюдение в общественных местах должно обеспечивать охрану и безопасность, противодействуя случайным или преднамеренным угрозам, таким как преступные действия или террористические акты. Но в то же время оно угрожает независимости, анонимности и доверию, которые составляют основу демократического общества. Новые технологии, позволяющие отслеживать местонахождение отдельных людей с помощью систем радиочастотной идентификации (*RFID*), столь же непредсказуемы в плане возможных опасностей и преимуществ. Поэтому они нуждаются в особо тщательном изучении и контроле.

Этика в рамках системного анализа и управления включает ряд принципов и норм поведения, которые способствуют эффективной работе системы и ее управлению. Назовем некоторые из них:

- прозрачность – необходимость ясного и доступного представления информации для всех участников системы;
- целостность – необходимость соблюдения целостности системы и ее элементов, предотвращения и устранения ошибок и неполадок;
- доверие – необходимость уважения и доверия между участниками системы;
- ответственность – необходимость принятия ответственности за свои действия и решения; уважение к правам и интересам других участников системы.

Обращение к этике в сфере системного анализа и управления в России выводит на первый план ряд следующих моментов:

- соблюдение этических принципов при разработке и внедрении информационных систем и технологий,
- соблюдение этических норм при проведении исследований и анализа в области управления и экономики,
- принятие этических решений при управлении корпоративными финансами и бухгалтерским учетом,
- соблюдение этических принципов при принятии решений в области государственного управления и политики,
- принятие мер по предотвращению коррупции и других форм недобросовестной деятельности в сфере управления и экономики,
- уважение прав и интересов сотрудников, а также соблюдение законодательства в области трудовых отношений.

Нельзя не сказать и о соблюдении этических норм при работе в области медицины и здравоохранения, в том числе при проведении исследований на людях, этических принципов при управлении природными ресурсами и окружающей средой, при работе с конфиденциальной информацией и персональными данными, в области образования и науки, включая соблюдение авторских прав и признание достижений других ученых. Нарушения этики в системном анализе и управлении могут иметь серьезные последствия для общества и окружающей среды. Важно, чтобы профессионалы следовали этическим

принципам и стандартам, обеспечивали правильные и справедливые результаты, принимали решения в интересах всех заинтересованных сторон.

Этика в рамках системного анализа и управления играет важную роль в современном мире, способствуя созданию эффективных и устойчивых систем управления и развитию общества в целом. В России существуют организации, которые занимаются разработкой и внедрением этических норм и принципов в области управления и анализа, в частности, Российское общество системного анализа (РОСА), Национальный центр профессиональной этики в области бизнеса и государственного управления (НЦПЭБГУ).

Вместе с тем актуальность этики системного анализа и управления проявляется и в различных отраслях применения метода, включая здравоохранение, сельское хозяйство и управление окружающей средой. Например, в здравоохранении использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) и алгоритмов машинного обучения для прогнозирования результатов лечения пациентов вызывает этические опасения в отношении конфиденциальности, информированного согласия и алгоритмической предвзятости.

В сельском хозяйстве использование генетически модифицированных организмов (ГМО) для повышения урожайности вызывает этические опасения в отношении безопасности, воздействия на окружающую среду и возможности корпоративного контроля над поставками продуктов питания. В управлении природопользованием использование методов моделирования и симуляции для прогнозирования воздействия деятельности человека на экосистемы вызывает этические опасения в отношении достоверности и надежности этих моделей, а также возможности непредвиденных последствий.

Одним из примеров соблюдения этических принципов становится разработка стандарта *ISO 26000* по социальной ответственности [2]. Он содержит рекомендации для организаций по вопросам прав человека, трудовых отношений, воздействия на окружающую среду и взаимодействию с общественностью. С увеличением доступности данных возникает риск некорректной обработки личной информации, ее использования в корыстных целях. В исследовании этических последствий больших данных исследователи отмечают, что «использование больших данных создает серьезные этические проблемы, связанные с неприкосновенностью частной жизни, конфиденциальностью и возможностью дискриминации» [7].

Примером нарушения этических принципов в системном анализе служит неправомерное использование данных. В результате кибератаки произошла утечка данных в Высшей школе экономики в марте 2023 г. Согласно закону «О персональных данных», оператор, допустивший утечку, обязан в течение суток самостоятельно сообщить о произошедшем в Роскомнадзор и в течение 72 часов – предоставить результаты внутреннего расследования с указанием причины утечки и виновных лиц [5].

Нарушения этики в рамках системного анализа и управления могут включать в себя различные ситуации, например, использование недостоверных данных или результатов анализа, неправомерное использование информации, нарушение конфиденциальности, а также принятие неправильных решений, которые могут нанести ущерб окружающей среде, обществу или человеческому здоровью.

Например, одним из нарушений этики становится манипулирование данными с целью получить желаемый результат. Оно может включать в себя выбор данных, которые не отражают реальности, использование недостоверных данных, искажение фактов или неправомерное искажение результатов анализа. Такие действия могут привести к неправильным выводам и принятию неверных решений.

Другим примером нарушения этики служит нарушение конфиденциальности данных. Некоторые данные, используемые в системном анализе и управлении, могут быть конфиденциальными, и их использование нарушает права и свободы человека. Нарушение конфиденциальности данных приводит к серьезным последствиям, включая утечку информации, нарушение права на частную жизнь, нарушение прав интеллектуальной собственности.

Существуют многочисленные источники, описывающие примеры нарушения этики в системном анализе и управлении. В частности, сегодня актуален этический аспект технологий ИИ для медицинских учреждений, где приложения будут напрямую взаимодействовать с пациентами, находящимися в состояниях уязвимости разной степени тяжести. Предполагается, что подход «встроенной этики», при котором специалисты по этике и разработчики вместе решают этические вопросы с помощью итеративного и непрерывного процесса с самого начала разработки, может быть эффективным средством интеграции надежных этических соображений в практическую разработку [11; 12].

Этические вопросы возникают и в инженерных тематических исследованиях ядерных отходов, управления водными ресурсами, устойчивой экологии, военной тактики

и защиты животных. Все эти исследования затрагивают использование моделей компьютерного моделирования, предназначенных для решения практических проблем, имеющих определенные последствия, связанные с нарушением этики.

Некоторые этические нормы могут быть определены количественно с помощью множества показателей эффективности модели, которые могут быть оптимизированы. Неуверенность в достоверности модели приводит к анализу риска или неопределенности и к поиску надежных моделей. Этические вопросы могут быть актуальны в военных моделях, включая военные игры. Однако компьютерные игры и связанная с ними экспериментальная экономика также могут стать особым инструментом для изучения этических проблем [10].

Вместе с тем сегодня освещаются нарушения этики в аналитике больших данных; описываются гипотетические сценарии и этические дилеммы, связанные с использованием данных, а также возможности создания мыслящих машин [8; 9; 13]. Эти примеры показывают, что в системном анализе и управлении следует учитывать этический аспект при работе с данными и методами анализа. Этика имеет решающее значение для обеспечения ответственного и этичного применения научных методов. Этические рамки и постоянный мониторинг оценки воздействия используемых методов анализа обеспечат безопасность для общества и окружающей его среды, а также результативность для деятельности компаний в сфере системного анализа.

Библиографический список:

1. Барбур И. Этика в век технологии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. 380 с.
2. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. Дата введения: 2013-03-15.
3. Купцов В. И. Образование, наука, мировоззрение и глобальные вызовы XXI века. СПб.: Алетейя, 2009. 428 с.
4. Лисичкин В. А. Формирование информационного общества: проблемы и перспективы / В. А. Лисичкин, М. М. Вирин. М.: ИСПИ РАН. 2008. 272 с.
5. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 21.05.2023).

6. Этический кодекс для информационного общества. МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». М., 2007.
7. Floridi L. AI4People – An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations / L. Floridi, J. Cowls, M. Beltrametti (et al.) // *Minds and Machines*. 2018. Vol 28 (1). Pp. 659-707.
8. Conference: 4th International Conference on Finance, Economics, Management, and IT Business (FEMIB) [Electronic resource] // Insticc. Available at: <https://portal.insticc.org/SubmissionDeadlines/6110f5feb750c0933d9eb065> (accessed date: 21.05.2023).
9. Martens D. *Data Science Ethics: Concepts, Techniques, and Cautionary Tales*. Oxford: Oxford University Press, 2022. 272 p.
10. Kleijnen J. Ethical Issues in Engineering Models: An Operations Researcher's Reflections // *Science and Engineering Ethics*. 2011. Vol. 17. Pp. 539-552.
11. Li F. Ethics & AI: A Systematic Review on Ethical Concerns and Related Strategies for Designing with AI in Healthcare / F. Li, N. Ruijs. Y. Lu // *AI*. 2023. Vol. 4. Pp. 28–53.
12. McLennan S. Embedded ethics: a proposal for integrating ethics into the development of medical AI / S. McLennan, A. Fiske, D. Tigard (et al.) // *BMC Med Ethics*. 2022. Vol. 23. P. 6.
13. Bostrom N. *The Ethics of Artificial Intelligence* / N. Bostrom, E. Yudkowsky // *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 316-334.

Golyatkina L. I. **Ethics within systems analysis and management**

The article discusses ethical principles and their application in the framework of system analysis and management. The methods of scientific research in this area are used to study complex systems and develop strategies that increase their effectiveness. Despite the ability of system analysis and management methods to have a significant impact on society and the environment, the consequences of their use associated with ethical violations often go unnoticed.

Keywords: ethics of science, system analysis and management, technology, artificial intelligence, big data.